

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра английского языка и литературы

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

На тему Отражение реалий русской культуры в английских переводах
произведений Ф.М. Достоевского

Исполнитель _____ Хачатрян Нарине Варгановна _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ к.ф.н., доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Родичева Анна Анатольевна _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____
_____ к.ф.н., доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Родичева Анна Анатольевна _____
(фамилия, имя, отчество)

«21» 12 2021г.

Санкт-Петербург

2021

Оглавление

Введение.....	4	
Глава 1. Реалии как объект переводоведения	8	
1.1. Понятие «реалия».....	8	
1.2. Классификация реалий	19	
1.3. Основные приемы передачи реалий	27	
Выводы	по	Главе
1.....	32	
Глава 2. Приемы передачи русских реалий в английских переводах романов Ф.М. Достоевского	36	
2.1. Анализ переводов романа «Бесы» Ф.М. Достоевского на английский язык.....	36	
2.1.1. Переводчики романа Ф.М. Достоевского «Бесы»	36	
2.1.2. Калькирование как способ перевода реалий.....	38	
2.1.3. Сужение и расширение как способ перевода реалий (конкретизация и генерелизация).....	41	
2.1.4. Нейтрализация и эмфатизация как способ перевода реалий.....	45	
2.1.5. Функциональная замена как способ перевода реалий	48	
2.1.6. Описание как способ перевода реалий	50	
2.1.7. Переводческий комментарий как способ перевода реалий.....	55	
2.2. Анализ переводов романа «Идиот» Ф.М. Достоевского на английский язык.....	56	
2.2.1. Переводчики романа Ф.М. Достоевского «Идиот».....	56	
2.2.2. Сужение и расширение как способ перевода реалий.....	57	
2.2.3. Нейтрализация и эмфатизация как способ перевода реалий.....	61	
2.2.4. Функциональная замена как способ перевода реалий	64	
2.2.5. Описание как способ перевода реалий	67	
2.2.6. Переводческий комментарий как способ перевода реалий.....	70	
2.3. Транскрипция и транслитерация как способ перевода реалий	70	
Выводы по Главе 2	81	

Заключение	81
Список литературы	81

Введение

Несмотря на тенденцию к глобализации и интернационализации, в каждой национальной культуре имеются реалии, которые относятся к прецедентным феноменам и требуют особого пояснения для представителя иной культуры. Вопрос изучения реалий поэтому всегда остаётся **актуальным**. Применение способов адаптации национально-специфической лексики всегда представлял интерес для переводчиков. Особое значение изучение культурно-маркированных единиц имеет для художественных переводов, особенно классической литературы. Приметы времени, быта, места, которые выражаются в реалиях, дают более полное представление о действии в художественном произведении. Более того, они способствуют более полному воплощению идеи писателя, что необходимо учитывать при переводе произведений.

Данное диссертационное исследование посвящено изучению особенностей передачи реалий русской культуры на английском языке в разновременных переводах романов Ф.М. Достоевского. Творчество Ф.М. Достоевского уже давно оценено не только в нашей культуре, но и за рубежом. Несмотря на то, что автор – гений русской словесности, он признан и в мировой литературе. Большую роль в этом сыграли переводы, которые смогли передать русский дух и особенности того времени. Российское общество XIX века в силу таких причин, как влияние западной мысли, социалистический дискурс, бедность и крепостное право, проходит через турбулентный период - период боли, нищеты, краха царизма, давления и перемен. Это сложно описать не для русского человека. Художественный перевод является одним из самых сложных видов перевода. При переводе произведений важно сохранить не только атмосферу сюжета и стиль автора, но и максимально адаптировать его для представителей иной культуры. В рамках этого межнационального взаимодействия большую роль играет перевод так называемых реалий. Именно они зачастую выступают осязаемым

барьером для взаимопонимания представителей различных культур. Переводчику художественного текста необходимо стремиться ликвидировать существующие языковые и культурные преграды, чтобы облегчить восприятие читателем фрагментов чужой культуры.

Диссертация выполнена в русле современного переводоведения и лингвострановедения, которые рассматривают перевод как вид межъязыковой коммуникации, при котором создается вторичный текст, замещающий исходный в другой культурной и языковой среде. В связи с тем, что в современной филологии не ослабевает интерес к проблеме взаимодействия английской и русской культур, **актуальной** остается необходимость решения теоретических и практических задач перевода при работе с данной парой языков; исследование переводов романов Ф.М. Достоевского является одним из шагов в сторону межнационального взаимодействия литературоведов и переводчиков.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей передачи реалий русской культуры в переводах произведений Ф.М. Достоевского на английский язык.

Цель исследования определила его **задачи**:

- уточнить объем понятия «реалия», рассмотреть наиболее распространенные подходы к определению понятия «реалия»;
- изучить классификации языковых реалий;
- выявить русские реалии в романах Ф.М. Достоевского;
- проанализировать основные приемы перевода реалий;
- провести сопоставительный анализ вариантов передачи реалий русской культуры в переводах романов Ф.М. Достоевского на английский язык.

Объектом исследования явились реалии русской культуры в романах Ф.М. Достоевского и их переводах.

Предметом исследования выступают приемы передачи реалий русской культуры в английских переводах романов Ф.М. Достоевского.

Методами исследования являются сопоставительный и описательный анализ, классификационный, интерпретационный, прием сплошной выборки.

Теоретической базой исследования стали работы таких известных лингвистов и переводоведов, как И.С. Алексеева, Е.Д. Андреева, Е.М. Верещагин, В.С. Виноградов, А.А. Геращенко, Е.В. Ерофеева, М.Н. Есакова, Т.А. Казакова, Т.Р. Левицкая, А.Л. Семенов, Л.Л. Нелюбин, З.Г. Прошина, В.М. Россельс, В.С. Слепович и др., которые занимались изучением понятия реалий, их классификацией и приемами их перевода на русский язык.

Материалом исследования послужили переводы романов «Бесы» и «Идиот» Ф.М. Достоевского на английский язык:

Достоевский, Ф. М. Бесы: Роман / Ф.М. Достоевский. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

Dostoyevsky F. The Possessed [text]; tr. from rus. Garnett C. - South Australia: University of Adelaide, 2005- 701p.

Dostoyevsky F. Devils [text]; tr. from rus. Michael R. Katz- Oxford University Press, 1992- 769p.

Dostoyevsky F. Demons [text]; tr. from rus. Robert A. Maquire- London: Penquin Books Ltd., 2008 - 842p.

Dostoyevsky F. Demons [text]; tr. from rus. Pevear R. and Volokhonsky L. - London: Vintage Classics, 2003- 756 p.

Достоевский Ф.М. Идиот / Ф.М Достоевский// Ленинград: Лениздат, 1987 – 638 с.

Dostoyevsky F. The Idiot [text]; tr. from rus. Garnett C. // U.S.A: Bantam Classics, 1983- 720 p.

Dostoyevsky F. The Idiot [text]; tr. from rus. Magarshack D.// London: Penguin Classics, 1973- 774 p.

Dostoyevsky F. The Idiot [text]; tr. from rus. Pevear R. and Volokhonsky L. – London: Vintage Classics, 2003- 756 p.

The idiot / Fyodor Dostoyevsky; translated by Eva Martin. – Санкт-Петербург: Каро, 2017. – 733 с.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые был произведён комплексный переводческий анализ передачи реалий русской культуры в переводах романов Ф.М. Достоевского на английский язык, выявлены особенности применения переводческих приемов при передаче русских реалий из различных тематических групп в текстах переводов; изучено качество передачи русских реалий в английских переводах романов «Бесы» и «Идиот».

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке теоретических и специальных курсов по теории перевода, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. Результаты исследования позволят глубже изучить предпосылки применения адаптивных переводческих стратегий в художественном переводе. Выводы, сделанные на материале переводов романов Ф.М. Достоевского, могут представлять практический интерес для переводчиков художественной литературы. Рассматриваемые вопросы изучения лексических единиц с ярко выраженным национально-культурным компонентом имеют также теоретическое и практическое значение для двуязычной лексикографии и методики обучения иностранным языкам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «реалия» точно так же, как и ее классификация, являются одними из самых актуальных и неразрешенных вопросов лингвистики.
2. Переводы одного и того же произведения, выполненные разными переводчиками, могут отличаться друг от друга, что меняет рецепцию всего романа или частично.
3. Национально-культурная окраска, присущая некоторым лексическим единицам, является одной из основных воздействующих сил художественного текста. В этой связи адекватная передача культурно маркированных единиц подлинника представляется одной из наиболее сложных задач перевода.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в виде доклада на студенческой научной конференции ФГБОУ ВПО РГГМУ Институт «Полярная Академия» (г. Санкт-Петербург) 03 декабря 2021 года «Неделя науки. Перевод и проблемы перевода в современном и историческом аспектах» на тему: «Использование описательного способа при передаче русских реалий романа Ф.М. Достоевского».

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Во введении формулируются цели и задачи исследования, определяется объект и предмет исследования, обосновывается актуальность и практическая значимость работы, описывается ее структура. В Главе I рассматривается понятие языковых реалий, их классификации и приемы их передачи. В Главе II дается анализ реалий и их переводов, встречающихся в романах «Бесы» и «Идиот» Ф.М. Достоевского, а также анализ приемов, использованных при их переводе. В заключении обобщаются основные теоретические положения по рассматриваемому вопросу и подводятся итоги исследования. В списке литературы содержится подробная информация о каждом использованном источнике.

Глава 1. Реалии как объект переводоведения

1.1. Понятие «реалия»

В рамках любого перевода возникает столкновение не только самих языков, но и особенностей и различий культур носителей этих языков. В связи с этим одной из задач любого переводчика является наиболее точная передача специфических деталей и особенностей аутентичного текста. К их числу можно отнести и реалии языка.

В каждом языке определенным образом отражаются происходящие в мире явления и процессы, особые объекты, характерные различным народам, проживающим на географически ограниченной территории. У представителей всех народностей существуют понятия, явления, предметы, присущие и связанные только с этим народом и с его историко-географическими, социально-политическими и другими условиями развития самобытности, существование которых обусловлено наличием у представителей каждой из культур собственной неповторимой «картины мира», т.е. «целостной совокупности образов действительности, которая существует в индивидуальном или коллективном сознании и отражается в коммуникативной деятельности. Поскольку языковая картина мира существует не в языке, а в сознании, то многие специалисты предпочитают использовать термин лингвоментальная картина мира» [35, с. 43].

Определенную часть такой картины мира составляют так называемые реалии. Под реалиями в широком смысле слова понимаются элементы национального и исторического своеобразия, которые отражаются в языке с помощью безэквивалентной лексики [27, с. 47]. (традиционно к безэквивалентной лексике относят: слова-реалии, временно безэквивалентные

термины, случайно безэквивалентные слова [20, с. 25]). У. Чейф считает, что описать какой-либо язык невозможно, не учитывая особенностей сознания, мышления людей – носителей языка [38, с. 30], то есть адекватный перевод невозможен без учета языковых и культурных реалий. Распознать реалии в тексте довольно легко. Они ярко выделяются на общем фоне своей необычностью и экзотичностью, ведь не зря ее называют национально-окрашенной лексикой. Термин «безэквивалентная лексика» был введен Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. На основе своих исследований ими предложено следующее определение реалии: «Реалии – это слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [7, с. 53]. Данное определение одно из многих определений реалий, которых за время изучения данного понятия накопилось большое количество.

О реалиях как о показателях колорита, конкретных, зримых элементах национального своеобразия, заговорили лишь в начале 1950-х годов [13, с. 24]. Тогда в 1952 году Л.Н. Соболев не только употребил термин «реалия» в его современном понимании, но и дал ему достаточно точное определение. По его мнению, под реалией понимается «предмет своей или иной культуры, называющий то или иное понятие культурно обусловленным словом» [14, с. 154].

Таким образом, в теории перевода термин «реалии» используется в двух смыслах. С одной стороны, под реалиями понимаются любые факты, характерные для определенного народа. Эти факты включают объекты культуры и жизни, исторические события, топонимы и личные имена. С другой стороны, реалии – это слова и фразы, обозначающие эти вещи.

По мнению В.С. Виноградова, реалиями являются «все специфические факты истории и государственного устройства национальной общности,

особенности ее географической среды, а также традиционные предметы быта, характерные для прошлого или настоящего, этнографические и фольклорные понятия. Ученый относит реалии к категории безэквивалентной лексики» [8, с. 37].

Стоит отметить, что само по себе понятие «реалия» возникло от латинского имени прилагательного, которое имело значение «вещественный, действительный». Другими словами, первоначально это слово означало реальные, материальные вещи, а не абстрактные. Но при этом, как мы видим, в лингвистике реалии не всегда отображают материальные вещи, поэтому и большинство переводоведов говорят не только о предметах, но и явлениях, ситуациях и т.п.

В толковом словаре Л.Л. Нелюбина, например, дается следующее определение: «Реалии – это слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, несуществующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [20, с. 178].

В.Л. Россельс утверждает: «Реалия представляет собой особый предмет, понятие или явление, являющееся знаковым или отличительным для истории, культуры, быта, жизни того или иного народа, которое не встречается в языках других народов». Автор добавляет, что, по его мнению, «реалии - это иностранные слова, обозначающие понятия, предметы или явления, названия которых не используются тем народом, на язык которого произведение переводится» [25].

Языковед В.С. Слепович, в свою очередь, считает, что «реалия – это отражаемая в языке особенность, то, что отличает один народ от другого, так как проявление культурных различий имеют место в очень многих сферах» [26, с. 79].

И.С. Алексеева пишет, что «реалии – это отражение особенностей поведения, обычаев, привычек народа, говорящего на данном языке, которые в тексте не сводятся к употреблению отдельного слова, а воздействуют на

специфику его предметного содержания в целом, то есть, когда в ситуации заключена лингвоэтническая специфика» [1, с. 172].

Переводовед Г.Д. Томахин под реалией понимает «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ» [30, с. 5].

По словам Т.И. Черемисиной, «реалии – это локально-маркированные слова, служащие для обозначения обычаев, предметов обихода, свойственных определенной нации» [33, с. 27].

В.Д. Филатов в качестве реалий понимает, в первую очередь, все слова, которые связаны с новыми условиями окружающей людей действительности, а также слова, со сложными взаимоотношениями между представителями различных этнических общностей в быту и трудовой деятельности [32, с. 171].

Согласно определению, предложенному С. Влаховым и С. Флориным, «реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому, требующие особого подхода при переводе в силу того, что не имеют точных соответствий в других языках» [9, с. 47]. Исследователи отмечают, что при переводе реалии требуют особого подхода, поскольку они не имеют точных соответствий на других языках, являясь носителями национального и исторического колорита.

О.С. Ахманова считает, что «реалия – это многообразие факторов, изучаемых зарубежной лингвистикой, таких как государственное устройство, история и культура конкретной нации, языковая коммуникация между носителями языка и так далее с точки зрения их отражения в языке» [6, с. 187].

А.Д. Швейцер под реалией понимает лексические единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, присущие и свойственные определенной лингвокультуре, при этом отсутствующие в сопоставляемой [36, с. 185].

Как видно из вышеперечисленных определений термина «реалия», единого мнения на его трактовку у учёных, занимающихся данным вопросом,

нет. При этом среди них можно выделить и общее – все авторы говорят о том, что реалии как лексические единицы обозначают элементы «чужой» культуры, для которых характерна национальная, историческая, местная или бытовая окраска и при этом не имеют эквиваленты в других языках и культурах.

Здесь стоит отметить, что некоторые теоретики и вовсе отличаются в своих определениях.

Так, теоретик перевода В. Н. Комиссаров указывает, что безэквивалентная лексика встречается «среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода» [16, с. 148]. В данном определении Комиссарова В.Н. впервые упоминаются неологизмы, как слова, относящиеся к реалиям. Другие авторы не упоминают данный пласт лексики в своих определениях.

Несмотря на то, что авторы не сходятся в определении данного понятия, все они уверены в одном: при переводе противопоставляются и сравниваются не только языки, но и культуры различных народов. Стоит добавить, что реалиям присуща ярко выраженная национально-культурная окраска, а от адекватной передачи таких значений зависит степень рецепции романа.

При сопоставлении лексики иностранного языка и родного, можно заметить тот факт, что в «чужом» языке, кроме слов, имеющих или единичные, или множественные соответствия и эквиваленты в языке перевода, встречаются также лексико-грамматические единицы, для которых в языке перевода достаточно трудно подобрать прямое соответствие или же такового просто не существует.

Проведенный анализ литературы, посвященный вопросам исследования термина «реалии», позволяет сделать вывод, что в рамках его определения авторами также используются такие термины как: «локализм», «лакуна», «пробел», «варваризм», «этнографизм», «экзотическая лексика»

«безэквивалентная лексика», «локалоид», «слова с культурным компонентом», что в некоторых случаях приводит к сужению самого термина [12].

По этой причине, мы считаем необходимым рассмотреть термины, которые наибольшим образом коррелируют с понятием «реалии», а именно: «безэквивалентная лексика» и «локалоид».

Безэквивалентная лексика представляет собой слова, не поддающиеся семантизации при помощи обычного перевода. В связи с тем, что подобные слова интегрированы в любую лексическую систему, безэквивалентная лексика представляет собой своеобразие языковой картины мира среди представителей отдельного народа. Безэквивалентная лексика проявляется в любой языковой лингвокультуре за счет наличия объекта, представляющего определенную ценность для той или иной народности, поэтому для ее обнаружения в лексиконе, как правило, требуется другой язык в качестве индикатора.

По мнению А.О. Иванова, более девяноста процентов от общего числа всей безэквивалентной лексики составляют именно реалии.

Согласно определению С.Г. Тер-Минасовой, «безэквивалентная лексика – самая яркая иллюстрация разницы миров, отраженных разными языками, принадлежащими разным народам» [29, с. 287]. Разница в картинах мира и уникальность каждой из них по сути и являются основной причиной появления безэквивалентности в языке, которая является результатом особенностей человеческого познания мира. Каждый народ по-своему воспринимает одни и те же явления.

Передача денотативного значения содержания лексических единиц зависит от соотношения лексических единиц языка оригинала и языка перевода. То, каким образом будет осуществлена передача денотативного значения реалии, зависит от того, как слово из текста оригинала соотносится со словом в языке перевода. По мнению И.В. Арзамасцевой, существует пять типов соотношения между лексическими единицами:

1) когда единицы языка оригинала и языка перевода полностью совпадают, этот тип соотношения денотативных значений единиц аутентичного текста и текста языка перевода не вызывает дополнительных трудностей у переводчика, однако, для языков, не находящихся в достаточно близком родстве, данный тип соотношения лексических единиц является достаточно редким явлением;

2) когда объем денотативных значений единиц языка оригинала покрывается совокупностью значений нескольких лексических единиц языка перевода или наоборот; совокупность денотативных значений нескольких лексических единиц языка оригинала покрываются значением одной лексической единицы языка перевода;

3) когда денотативное значение единицы языка оригинала лишь частично совпадает с денотативным значением одной или нескольких лексических единиц языка перевода, и наоборот. Соотношение данного типа является наиболее распространенным, поскольку в таком случае переводчик должен самостоятельно выбрать наиболее адекватный вариант перевода из нескольких, руководствуясь требованиями контекста;

4) когда денотативное значение лексической единицы языка оригинала и языка перевода не совпадают и, следовательно, их значения эквивалентны друг другу только в пределах определенных сочетаний, а как лексические единицы словарного состава, они по своему значению не совпадают. Как правило, по такому типу сочетаются, устойчивые выражения и фразеологизмы;

5) когда слова и выражения языка оригинала не имеет полных аналогов в языке перевода. Данный тип соотношения разноязычных лексических единиц свойственен именно для передачи безэквивалентной лексики [5, с. 130].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что безэквивалентная лексика – это пласт лексических единиц и словосочетаний, не имеющих в языке перевода точных лексических соответствий. Помимо этого, большинство теоретиков перевода делают упор на культурный компонент, что

вполне оправдано, так как реалии чаще всего отражают именно культурные особенности определенного народа.

Ряд авторов синонимом реалий определяют лакуны и локалоиды.

В лексическом плане лакуна определяется как «отсутствие слова на конкретном участке лексического поля языка» [41].

Лакуна (от лат. *lacuna* углубление, пробел) – пробел, пропуск, недостающее место в тексте, а также обозначение отсутствия лексических эквивалентов в одном из языков (родном или иностранном). По мнению А.Н. Щукина, лакуны связаны преимущественно с обозначениями национальных, историко-культурных реалий [37, с. 136].

Согласно словарю терминов межкультурной коммуникации И.Н. Жуковой, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошиной и Н.Г. Юзефович, термин «локалоид» был предложен российским филологом и лингвистом В.В. Кабакчи в 1998, который дает ему следующее определение: «заимствование интернационализма в его иноязычной форме, к которому обычно прибегают в стилистических целях или для разграничения с коррелятором языка описания» [14].

Другие исследователи, наоборот, разделяют понятия реалии и лакуны. Например, А. Круз полагает, что «лакунарность присутствует лишь в случае наличия в культуре определенного явления, но отсутствия маркирующего его слова. Он считает, что чуждые для данной культуры предметы и явления в принципе не порождают лакунарность» [40].

Вопрос об идеологической лакунарности перевода связан напрямую с вопросом о тональности дискурса как своего рода лингвистической реалии L-реалии в терминах Теории реалий А. Л. Кретона и Н. Л. Фененко. Один из главных постулатов этой теории: «Реалии в одном языке всегда соответствует лакуна в другом» [3, с. 97].

Данная теория доказывает некую (не всегда присутствующую) связь, и действительно, лакуны чем-то схожи с реалиями. Но, как уже говорилось, они больше относятся к безэквивалентной лексике, ведь лакунарность означает,

что в другом языке абсолютно нет соответствий данному слову или явлению. У реалий часто есть эквивалент: содержание и внешний облик реалий не всегда может совпадать в обоих языках, главное, чтобы совпадала коммуникативная функция данного слова или явления.

Реалии также не следует путать и с терминами: последние в основном используются в научной литературе для обозначения объектов, относящихся к научной сфере, и обычно появляются только в других видах текстов, чтобы служить очень специфической стилистической цели. Реалии, с другой стороны, рождаются в массовой культуре и все чаще встречаются в самых разных видах текстов. Художественная литература, в частности, любит реалии за экзотическое прикосновение, которое они приносят. Терминам, в отличие от реалий, не свойственна ни эмоциональность, ни образность [9, с. 57].

В той же области познания вместе с понятием «реалии» присутствует понятие «культурема». Как и с термином «реалия» в современных исследованиях отсутствует единая точка зрения на содержание данного понятия.

В. В. Воробьев наряду с культуремой выделяет лингвокультурему, при этом «культуремой признается элемент действительности (предмет или ситуация), присущий определенной культуре, а лингвокультуремой – проекция элемента культуры в языковой знак» [43].

В. Г. Гак рассматривает культурему «как определенный знак культуры, имеющий в том числе языковое выражение, при этом в культуремах, имеющих языковое выражение, языковой знак является обозначающим, а реалия – обозначаемым (под реалиями в данном случае понимается все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т.п.)» [44].

В концепции Э. Оксаар культуремой признается «абстрактная единица, по-разному реализующаяся в коммуникативных актах». Его модель культурем исходит из возможности обособленного рассмотрения коммуникативных способов поведения: приветствия, выражения благодарности, эмоций,

молчания – в зависимости от ситуации [45]. Данная теория интересна тем, что охватывает не только пласт языка, но и экстралингвистические компоненты коммуникации. Мимика, жесты (неотъемлемые при изучении итальянской культуры), а также их вербализация являются важной частью межкультурного общения. И сам термин «культурема» благодаря своей внутренней форме очень точно отражает культурологическую обусловленность элементов общения. Культуремы и реалии являются разными понятиями, но очень тесно связаны. Эта взаимосвязь доказывается этой теорией.

Разобрав самые известные трактовки понятия реалии, мы видим, что практически в каждом из них есть следующие выражения: «национальные», «особенности», «культура», «этнографическая специфика», «чуждые другому народу». Таким образом, можно сказать, что реалии представляют собой особый слой лексики, требующий индивидуального подхода при переводе.

Являясь филологическими дисциплинами, лингвострановедение и переводоведение, в основном, занимаются изучением тех языковых единиц, которые наиболее ярко отражают национально-культурные особенности народа-носителя языка и среды его существования. Адекватная передача таких лексем является залогом успешной межкультурной коммуникации и качества лингвистического образования. В противном случае, каждый, кто изучает иностранный язык, будет испытывать серьезные трудности в общении с иностранцами, при чтении художественной литературы, публицистики, прессы, при просмотре кино и видеофильмов, при прослушивании песен и др. на иностранном языке.

Исследование роли слов-реалий в художественном тексте представляет большой интерес для теоретиков перевода. Национально-культурная специфика таких языковых единиц дает возможность проникнуть в культуру носителей языка. Ведь язык и культура неразрывно связаны между собой. Язык – это зеркало культуры людей, отражающее их образ жизни, мировоззрение, отношение, национальный характер, темперамент, систему ценностей, это менталитет определенной нации. В процессе двуязычного

общения происходит не только межъязыковое общение, но и межкультурное. Таким образом, переводчик должен быть не только посредником между двумя языками, но и между двумя культурами, поскольку перевод – это не только замена языка, но и замена элементов культуры.

Рассмотрев вышепредставленные трактовки понятия «реалия», мы видим, что владение фоновыми знаниями является ключевым фактором адекватной передачи реалий. Все авторы без исключений считают реалию культурно-маркированной единицей, подчеркивают тот факт, что они требуют особого подхода при переводе, а также считают адекватный перевод реалии залогом успешной межкультурной коммуникации. Мы полностью согласны с данными утверждениями. Стоит отметить, что различия в трактовках понятия «реалии» привели к тому, что сегодня нет и единой их классификации. Различие подходов к осмыслению реалий привели к тому, что сегодня существует достаточно большое разнообразие классификаций по разным признакам. На наш взгляд данному вопросу следует уделить отдельное внимание, так как изучение содержания реалий может помочь определить логику их исследования в художественных переводах.

1.2. Классификация культурных реалий

Реалии представляют собой значительную часть любого языка, в связи с чем возникла необходимость их классификации. На сегодняшний день существует множество классификации реалий, в основу которых положены различные критерии.

Например, культурные реалии можно рассматривать как в плоскости одного языка (свои и чужие реалии), так и в плоскости обоих языков (внутренние и внешние реалии) (рисунок 1.1).

К своим реалиям относятся в основном исконные слова того или иного языка (в русском языке – самовар, боярин; в английском языке – паб, эль и т.д.).

К чужим реалиям относятся заимствования, кальки или транскрибированные реалии других языков (менеджер, небоскреб, фаст фуд).

Внешние реалии являются одинаково чуждыми для обоих сопоставляемых языков (для русского и английского языков – сомбреро, фиорд, суши, лазанья).

Внутренние реалии – это слова, принадлежащие одному из двух сопоставляемых языков, и чужие для другого (паб – свое слово для английского языка и чужое для русского, и наоборот, мужик – свое слово для русского языка и чужое для английского) [27, с.60].

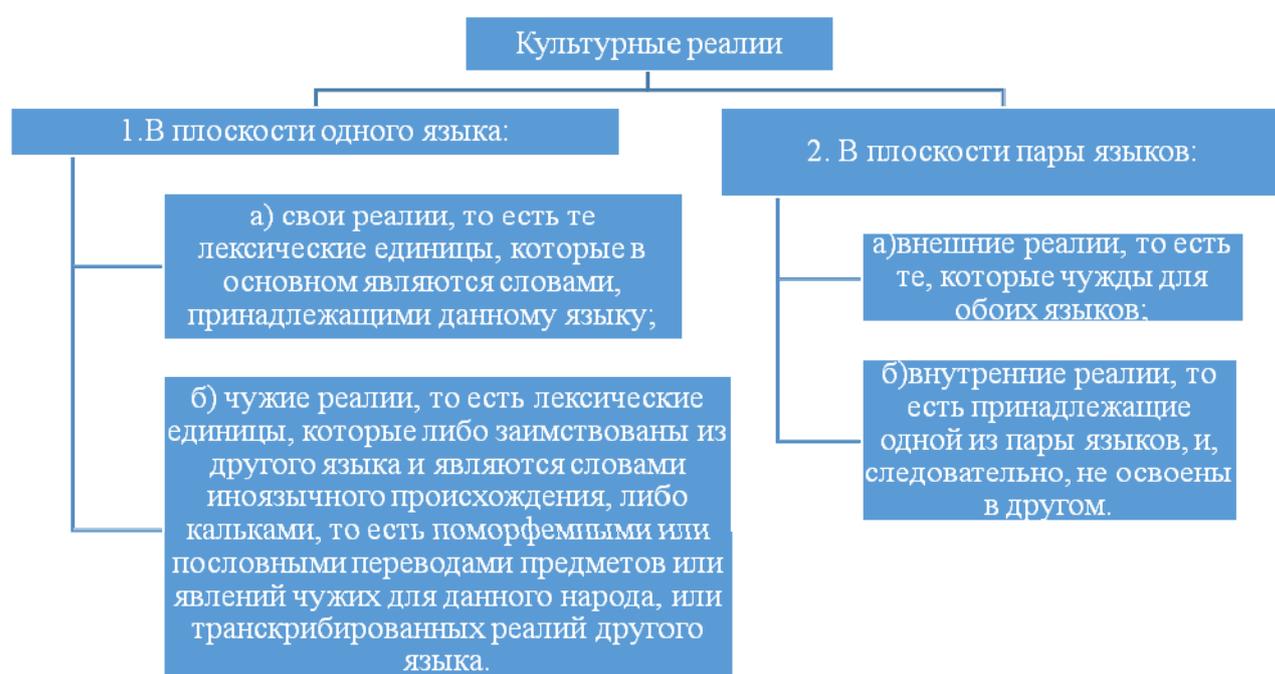

Рисунок 1.1 – Классификация культурных реалий по местному признаку [11, с.68]

Г. Д. Томахин выделяет несколько критериев классификации реалий (рисунок 1.2):

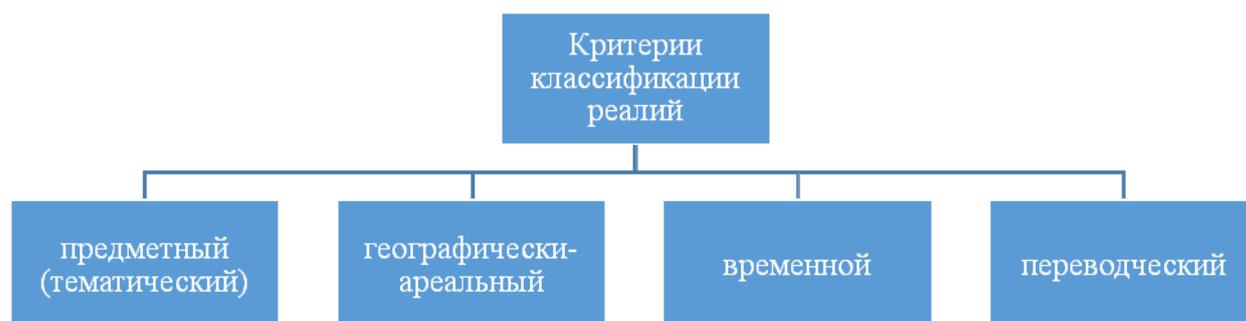

Рисунок 1.2 – Критерии классификации реалий по Г.Д. Томахину [34, с.128]

Эти критерии очень важны при исследовании реалий, но к ним можно добавить и другие.

Так, В.С. Слепович говорит, что, рассматривая культурные реалии в целом и необходимость их учета при переводе, следует остановиться на следующих разновидностях (прим. географические, этнографические, общественно политические), которые не претендуют на полный и исчерпывающий список, однако дают представление о широте диапазона использования термина «реалия» [27, с.153]. Согласно его пояснениям, классификация реалий будет выглядеть следующим образом (рисунок 1.3).

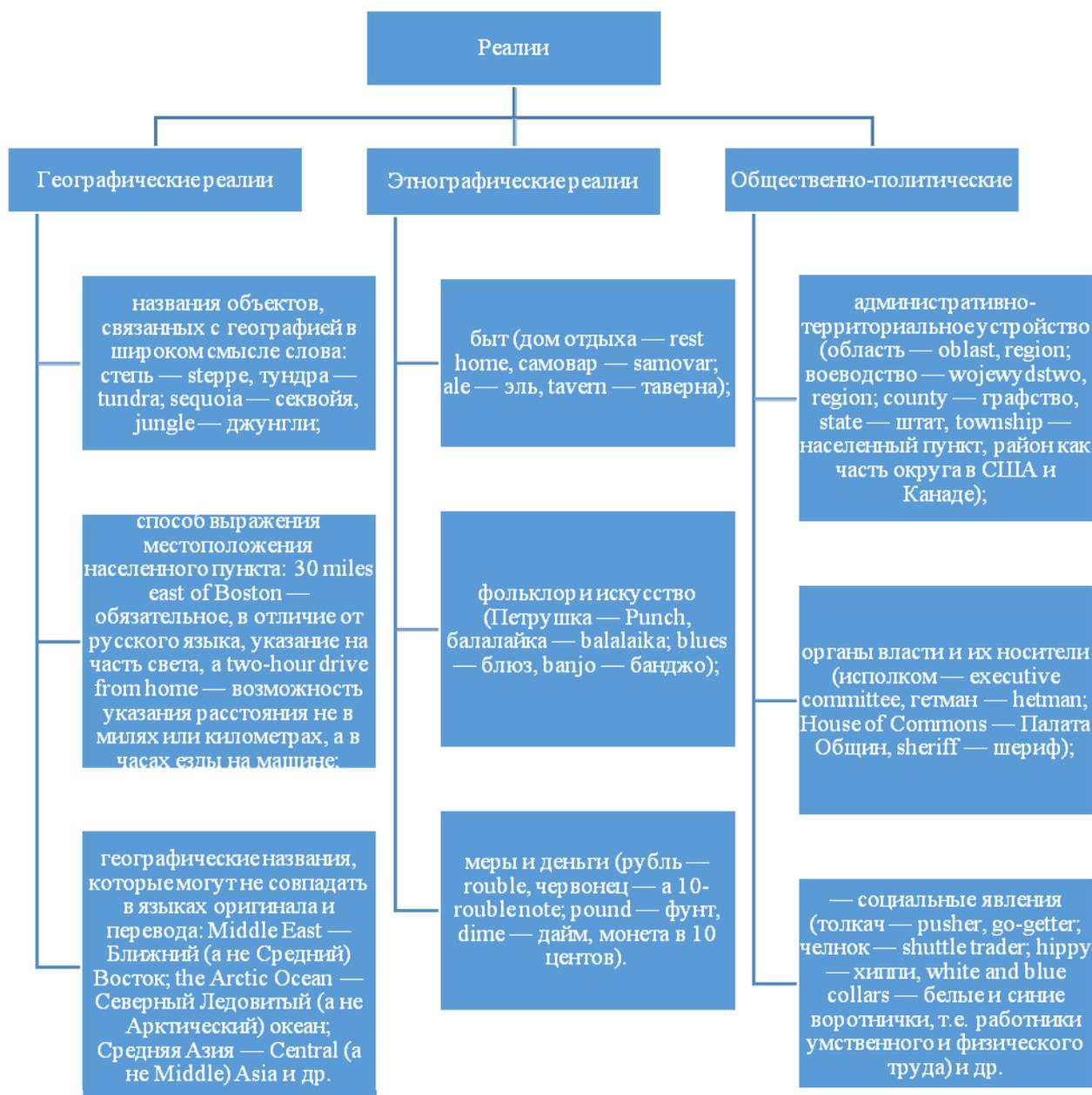

Рисунок 1.3 – Классификация реалий по В.С. Слеповичу

С.И. Влахов и С.П. Флорин, занимавшиеся вопросом рассмотрения реалии достаточно продолжительный период времени, а работы которых благодаря своей полноте и структуре известны лингвистам всего мира, выделяют аналогичные виды реалий, выделяя 4 вид. К нему относятся так называемые «военные реалии», подразделяющиеся на наименования подразделений, оружия, обмундирования и военных званий.

Согласно классификации, предложенной В.Н. Крупновым, реалии делятся на:

- 1) географические и этнографические;

- 2) мифологические и фольклорные;
- 3) бытовые;
- 4) рекламные и политические реалии [17, с.150].

Объединив последние примеры классификаций можно выделить следующую классификацию реалий (рисунок 1.4).

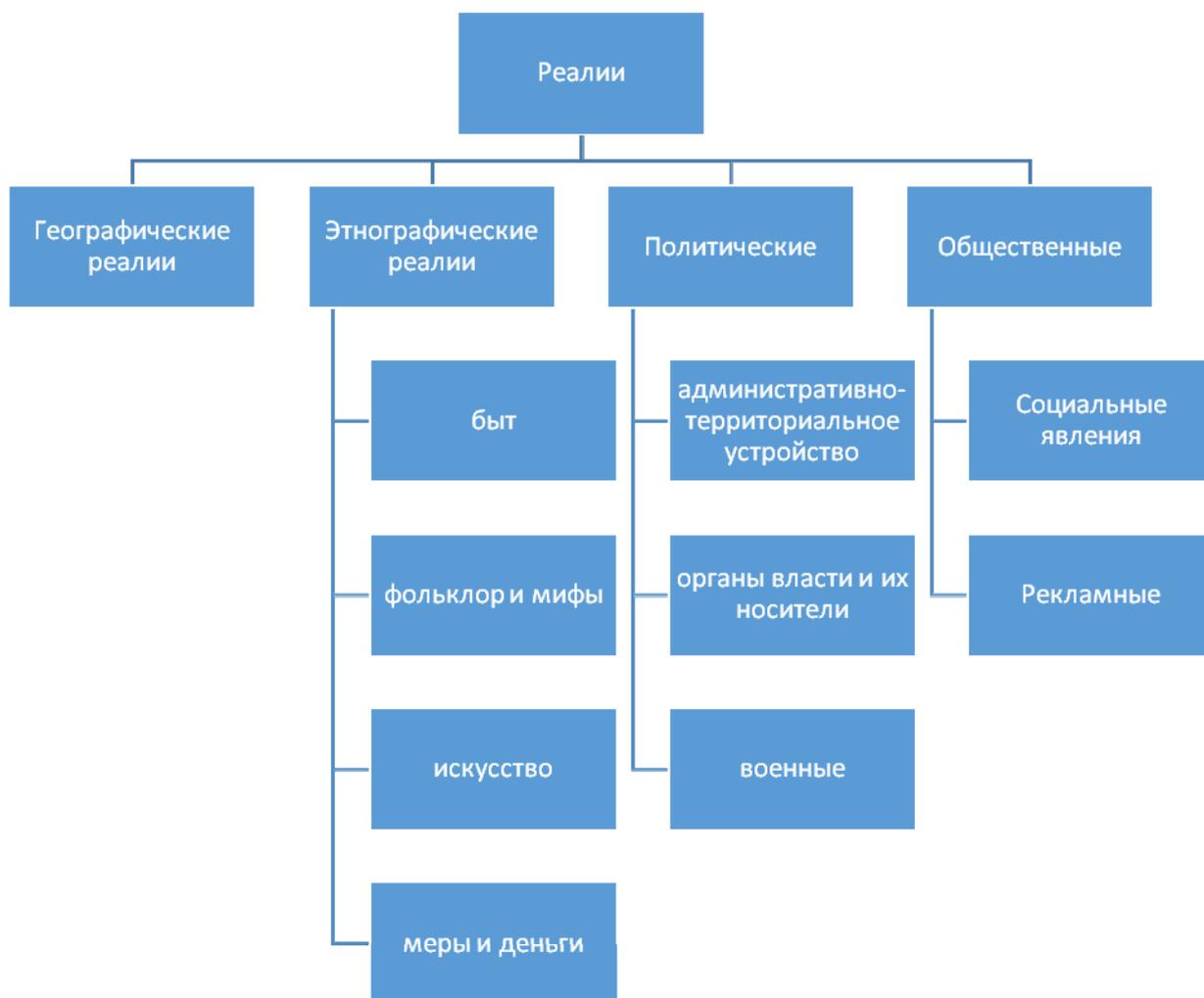

Рисунок 1.4 – Объединенная классификация реалий (авторская)

В.С. Виноградов предлагает рассматривать еще и ономастические реалии, к которым, по мнению автора классификации, относятся антропонимы и топонимы.

Г. Филимонов предлагает классифицировать реалии, разделив их по структурному признаку, в зависимости от словообразовательной модели лексической единицы:

- 1) однокорневые слова;
- 2) сложные и сложносоединённые слова;

- 3) сложносокращенные слова;
- 4) устойчивые словосочетания.

Украинские лингвисты С.О. Чернобай и Г.С. Чернобай классифицируют реалии, опираясь на историко-семантический принцип. В предлагаемую ими классификацию входят:

- 1) собственно, реалии, включающие лексические единицы, не имеющие понятийных соответствий в корпусе языка перевода;

- 2) исторические реалии или архаизмы, которые по причине исчезновения данных исторически - маркированных лексических единиц, утратили свою освоенность в языке. Данный тип реалий, по мнению авторов классификации, включает в себя лексику, содержащую фоновую информацию и исторический колорит.

- 3) топонимы, в том числе физические и географические объекты, включая названия стран, штатов, городов, площадей, улиц, а также отдельных сооружений и зданий.

- 4) антропонимы, то есть этнографическая лексика быта, включающая вегетативные и анималистические символы и цветовую символику.

По мнению З.Г. Прошиной, все реалии можно разделить на четыре группы:

- 1) уникальные, к которым относятся лексические единицы, связанные с культурой;

- 2) слова - аналоги;

- 3) подобные слова, имеющие другое значение в другой культуре.

Самыми распространенными примерами реалий, относящихся к данной категории, считаются приметы, имеющие, однако, разную трактовку среди представителей различных стран и принадлежащих к разным лингвокультурам;

- 4) лакуны [24, с.117-118].

Лингвист Н.А. Фененко утверждает, что определение «реалии» как термина является размытым, так как оно включает в себя и явление или

предмет внеязыковой действительности, и его культурный эквивалент, а также фонетический ряд, именуемый этот концепт в языке, в связи с чем, предлагает следующую классификацию реалий:

1) R - реалии (от французского «realite»), то есть лексические единицы, обозначающие предмет чужой культуры;

2) C- реалии (от французского «concept culturel»), то есть лексические единицы, обозначающие культурный эквивалент иноязычной реалии в корпусе родного языка;

3) L- реалии (от французского «lexeme»), то есть лексические единицы, обозначающие лексемы или фразосочетания [31, с.17].

А.А. Реформатский, например, объединяет реалии по предметно-языковому принципу в следующие группы (рисунок 1.5).

Рисунок 1.5 – Классификация реалий, согласно А.А. Реформаторскому

Особого внимания заслуживает классификация, данная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым как одна из достаточно подробных классификаций:

1) советизмы, к которым по мнению ученых относятся слова, характеризующие период советского времени и выражают понятия, появившиеся во времена перестройки (комсомол);

2) лексические единицы, описывающие традиционный быт людей (кальсоны, трельяж, валенки, гармошка);

3) лексические единицы, описывающие новый быт;

4) фразеологические единицы и разговорные выражения, появившиеся в СССР;

5) историзмы, в состав которых входят слова, называющие предметы и явления предшествующих исторических этапов развития общества (амбарщик, приказ, лапти, холоп, аршин);

6) фольклорные слова, обладающие национальной и этнографической окраской, в том числе взятые из народного творчества;

7) антропонимы, то есть имена собственные, вызывающие ряд тех или иных ассоциаций;

8) топонимы, то есть географические названия;

9) коннотативные слова.

Однако, представленная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым классификация при всей своей обширности является неполной и неактуальной, поскольку проведены слишком нечеткие границы между категориями, да и относятся они по большей части к советскому и постсоветскому периоду развития русского языка. С тех пор прошло много времени и появилось много новых слов, и даже целых категорий слов. Необходимо понимать, что «культурные изменения всегда приводят к появлению новых реалий и новых понятий, а вслед за этим и обозначений этих реалий и понятий» [2, с.253].

Рассмотрев и систематизировав точки зрения различных авторов на проблему классификации реалий, можно сделать вывод, что данный вопрос в теории перевода все еще остается актуальным. Объединенная по тематическому принципу (рисунок 1.4) классификация, предложенная в данной работе, является достаточно полной и позволит при дальнейшем анализе различных текстов достаточно четко группировать выявленные реалии, что может способствовать составлению специализированных словарей по тематикам и позволит переводчикам обогащать словарный запас по узко-направленным тематикам в рамках их деятельности.

Для анализа реалий в рамках художественных произведений большого объема чаще используется анализ по приёмам передачи реалий, которые будут рассмотрены ниже.

1.3. Основные приемы передачи реалий

Одной из основных трудностей при переводе реалий является то, что в языке перевода нет обозначаемого реалией объекта. Еще одной трудностью является необходимость вместе с семантическим значением передать и национально-культурную окраску слова.

Для перевода безэквивалентных слов переводчик может прибегнуть к специальным приемам. Их можно разделить на лексические и лексико-семантические. Лексические приемы (транскрипция, транслитерация) передают поверхностную структуру слова (звуковую или графическую форму), а лексико-семантические (замена реалии уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста и гипонимический перевод (замена видового понятия на родовое) – семантику [4, с.65].

Часто переводчики оказываются перед сложным выбором приема перевода реалии, так как необходимо в переводе сохранить не только колорит оригинала, но и донести суть. В некоторых случаях переводчики комбинируют приемы, в результате чего можно наблюдать переплетение нескольких приемов с целью сохранения в переводе первичного замысла оригинала.

Прием транскрипции

Транскрипция представляет собой передачу реалии при помощи графических средств языка перевода. Переводческая транскрипция – это формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова [15, с.62].

Передача возможна в сочетании с суффиксами языка перевода: рус. «квас» и англ. «kvas», англ. «shopping» и рус. «шопинг».

Этот метод чаще всего используется при переводе реалий с английского на русский. Считается, что перевод реалии при помощи приема

транскрибирования является более удачным, поскольку можно добиться преодоления таких трудностей при переводе, как передачи и смыслового содержания реалии и его культурного колорита.

Транскрипция необходима, когда нам нужно придерживаться лексической краткости определения, поддерживать обычные формы слов, которые были в исходном языке, и в то же время подчеркивать специфику предмета или понятия, которое переводится и не имеет эквивалента на языке перевода.

Однако, наряду с передачей колорита, необходимо помнить и о важности передачи смыслового содержания реалии, поэтому следует применять данный прием с осторожностью.

В некоторых случаях лучшим решением будет использовать сочетание приема транскрипции и дополнительные средства осмысления, особенно при переводе «ложных друзей переводчика». В эту группу можно включить «...названия мер, весов, государственных органов, праздников и других реалий, сходные по наименованию в исходном языке и языке перевода, но не совпадающие по значению» [46, с.165].

Прием транслитерации

Относительно данного приема необходимо сказать, что при передаче реалий на иностранный язык применение транслитерации достаточно ограничено. Прием транслитерации подходит в основном для перевода реалий общественно-политической жизни и имен собственных: рус. «*кокошник*» и англ. «*kokoshnik*», англ. «*London*» и рус. «*Лондон*». Нередко отличить друг от друга транскрипцию и транслитерацию бывает очень сложно.

Оба вышеуказанных приема чаще всего используются при передаче иностранных имен собственных, географических названий, названий различных компаний, фирм, кораблей, газет, журналов.

Одним из главных достоинств транслитерации и транскрипции как приемов является их надежность и максимальная краткость, что в ряде случаев становится основной причиной использования этих приемов.

Недостатком применения данных приемов считается механическая передача безэквивалентного слова, не способная полностью раскрыть содержание нового понятия. Это возможно компенсировать примечаниями переводчика, помещенными в скобках или вынесенными в сноску, например: *исп. ceviche - рус. севиче (блюдо из сырой рыбы)*. [19, с.79].

Однако есть мнение, что существует опасность, что примечания (которые делаются с помощью описательного перевода), сопровождающие транскрибированные и транслитерированные слова могут занимать в тексте слишком много места, таким образом загромождая его. Поэтому не следует злоупотреблять этими приемами перевода и использовать их в крайних случаях.

Создание нового слова, или сложного слова, или словосочетания для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. В своей основе это перевод описательный, перифрастический [20, с.68].

Новое слово создается в тех случаях, когда применение приемов транскрипции и транслитерации не подходит по объективным причинам. Создание нового слова является наиболее приемлемым способом сохранения колорита реалии, его смыслового содержания. Однако необходимо помнить, что не все из них «открыты» для новых слов.

К новым словам относятся, например, кальки.

Калька - прием, при котором чужая реалия передается посредством буквального перевода. Калькирование – «слово, значение или фразеологизм, образованное путем буквального перевода с другого языка – является одним из видов заимствований» [28].

Одним из наиболее ярких примеров калькирования является понятие «*блошинный рынок*», образованное при помощи кальки от англ. «*flea market*», аналогичным образом это понятие звучит и во французском языке («*magasins aux puces*»).

Безусловно, калька может подвергнуться ассимиляции. Это может зависеть не только от внутриязыковых, но и от целого ряда культурных и социальных факторов. Калька может ассимилироваться в языке и стать довольно распространенной, но при этом она может оставаться «экзотизмом», так как выражаемый ею смысл все же чужероден данной культуре [18, с.84].

В связи с отличиями, существующими в лексико-грамматических системах двух языков, носители языка перевода иногда считают кальки чем-то непривычным или даже нарушающим нормы родного языка. Поэтому, используя данный прием, переводчики должны учитывать культурный компонент исходной реалии, он не должен утрачиваться или подменяться компонентом другой культуры.

В переводах реалий «калькирование – воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка» [15, с.87].

Уподобляющий перевод (описание и переводческий комментарий)

Следующий достаточно популярный прием у переводчиков – это уподобляющий перевод. К данному приему обращаются достаточно часто.

Приемами уподобляющего перевода можно назвать объяснение или описание.

Описательный перевод как прием состоит в описании значения исходной единицы средствами другого языка. Использование описания при художественном переводе должно быть умеренным, так как злоупотребление данным приемом может сделать текст излишне громоздким [21, с.129].

Переводческий комментарий (заключается в более подробном, чем описание, объяснении) – один из приемов, при помощи которого можно компенсировать смысловые потери при переводе. В отличие от описательного перевода, переводческий комментарий более подробен и обычно выводится за пределы текста и присутствует либо как сноска внизу страницы, либо в конце произведения. В некоторых случаях переводческий комментарий является

внутритекстовым. Данный прием расширяет фоновые знания читателей и позволяет им лучше понять произведение.

Преимуществом описательного или разъяснительного перевода является то, что использование данного приема при переводе реалий исключает неполное понимание, присущее транслитерации и калькированию.

Описание используется чаще, чем любой другой прием. Используя этот метод, нам удастся передать, хотя и не очень точно, предметное содержание реалий; но окраска часто теряется, потому что происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральному стилю, другими словами, слову или фразе с нулевым оттенком.

Гипонимический перевод

В.С. Виноградов и А.В. Федоров выделяют еще один прием – гипонимический. Гипонимический перевод характеризуется установлением отношения эквивалентности между исходным словом, передающим видовое понятие, и словом в языке перевода, называющим соответствующее родовое понятие. По своей сути это прием генерализации. Например: *Beaujolais - красное вино.*

Расширением или генерализацией в свою очередь называется замена единицы, имеющей более узкое значение, единицей с более широким значением, т.е. преобразование, обратное сужению. Сужением или конкретизацией называется замена слова или словосочетания с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием с более узким значением.

Данные приёмы используются в тех случаях, когда важным оказывается не само слово, а то значение, которое оно приобретает в контексте исходного высказывания, переводчики прибегают к переводческим модификациям, в число которых входят сужение и расширение исходного значения.

Замена реалии

Некоторые исследователи, например, С.В. Влахов и С.С. Флорин, также выделяют прием замены реалии, приведенной в исходном тексте, на реалию

языка перевода [9, с.101]. Примером такой замены может служить передача английского слова «*иомен*» русским понятием «*крепостной*».

Лексическая функциональная замена – это прием, который применяют при передаче безэквивалентных и труднопереводимых ЛЕ с опорой на контекст. ЛЕ ПЯ должно быть наделено теми же функциями, что и ЛЕ ИЯ. Это позволяет сохранить особенности оригинального текста. Лексическая функциональная замена нацелена на максимально возможную передачу смысла текста ИЯ.

Используя данный прием, переводчику необходимо быть очень осторожным, поскольку замененная реалия может вызвать неправильные, а порой и противоположные коннотации у читателя. Нельзя исключать и тот факт, что возможно, какие-то детали или дополнительные значения реалии могут быть нераскрыты, но иметь большое значение для общего замысла автора. Применение данного приема нельзя назвать переводом в полном смысле, поскольку оно ведет к подмене колорита реалии.

Передача чужой для исходного языка и языка перевода реалии

Переводчик прибегает к этому приему передачи культурно-маркированной лексики, когда в тексте оригинала есть реалия, заимствованная из «третьего» языка. Чаще всего, вводя такие реалии в текст, автор сопровождает их дополнительными средствами осмысления, которые также вызывают трудности при переводе.

Эмфатизация и нейтрализация

Эти два приема объединены в один пункт, поскольку являются полярными. Один используется для повышения эмоциональности текста, другой, наоборот. Прием эмфатизации — это замена исходных нейтральных единиц на лексические единицы высокого лексического уровня (литературный уровень языка), что способствует повышению эмоциональности всей фразы. Нейтрализация в свою очередь понимается как снижение лексического уровня языка перевода [10].

Опущение реалии

Опущение реалии относится скорее не к самим приемам перевода реалии (перевод как таковой в данном случае отсутствует), а к возможным приемам обращения с реалиями при переводе содержащих их текстов.

Тот факт, насколько подходит каждый из этих приемов, зависит от различных факторов. Одним из них является тип текста, который переводится. Адекватные переводы реалий добавляют некоторую экзотичность - качество, которое является желательным в художественной литературе.

Нужно также определить, каким образом элемент реалий относится к исходной культуре с точки зрения важности и привычности. Если, например, реалия довольно распространена в исходной культуре, то в адекватном переводе будет присутствовать экзотическая нотка, которой не было в оригинале (хотя это может быть оправдано тем, что, в конце концов, читатель имеет дело не с оригиналом, а только с переводом).

Если, наоборот, культура источника воспринимает элемент реалий как что-то необычное, и переводчик не переводит эту реалию как культурно нейтральную, читатели перевода, скорее всего, воспримут ее как нечто особенное.

При разработке стратегии перевода следует иметь в виду и то, что не все языки одинаково открыты для «чужеродных» слов, а также то, насколько знакомы носителям этого языка данные реалии. Некоторые языки, такие как итальянский, приветствуют новые слова и часто включают их в свой словарный состав. Другие языки, напротив, имеют противоположную тенденцию и остерегаются иностранных слов и очень «непроницаемы» для них. Французский язык является хорошим примером такого протекционизма.

Наконец, ожидаемая читательская аудитория (которая может быть, а может и не быть похожей на читателей оригинала) влияет на выбор подходящей стратегии перевода. Например, название химического соединения будет переводиться по-разному, в зависимости от того, кем будет прочитан текст, химиками или школьниками.

Выводы по Главе 1

Итак, при передаче культурных реалий существуют некоторые препятствия, возникающие из-за разных языковых мировоззрений. Эти препятствия вызваны различиями в условиях и образе жизни разных национальностей, а также различиями между цивилизациями и их системами ценностей. Чтобы перевести культурные реалии, необходимо сосредоточиться на полной и адекватной интерпретации исходного языка, который содержит лингвистическую, социальную и культурную информацию. Толкование означает истинное и полное выражение того, что было выражено ранее, с помощью другого языка. В идеале интерпретация культурных реалий должна передавать полное значение, дух и стиль оригинала и вызывать эквивалентное впечатление. Однако стоит отметить, что, чаще всего, переводчику приходится прибегать к нескольким приемам при переводе одной реалии. Это связано с тем, что реалии являются носителями национально-культурных особенностей определенного народа, а от правильной передачи их значения зависит восприятие читателями не только романа, но и оценка культуры и традиций чужого народа.

Рассмотрев разные трактовки понятия «реалия», мы убедились, что владение фоновыми знаниями является ключевым фактором адекватной передачи реалий. Все авторы без исключений считают реалию культурно-маркированной единицей, подчеркивают тот факт, что они требуют особого подхода при переводе, а также считают адекватный перевод реалии залогом успешной межкультурной коммуникации. Мы полностью согласны с данными утверждениями.

При этом стоит отметить, что несмотря на схожие в целом идентичные выводы по определению понятия «реалий» авторы прибегают к разным подходам в их исследовании, что привело к значительному разнообразию их классификаций, но чаще всего авторами используется тематический принцип группировки. В рамках исследования нами была составлена объединенная

классификация по данному принципу, что может позволить при анализе различных текстов достаточно четко выявлять и группировать выявленные реалии.

Однако, для анализа реалий в рамках художественных произведений большого объема чаще используется анализ по приёмам передачи реалий, так как подобные тексты охватывают все указанные в классификации тематики. Данный метод анализа будет использован и в данном исследовании.

Глава 2. Приемы передачи русских реалий в английских переводах романов Ф.М. Достоевского

2.1. Анализ переводов романа «Бесы» Ф.М. Достоевского на английский язык

2.1.1. Переводчики романа Ф.М. Достоевского «Бесы»

В данной главе проводится анализ реалий при переводе романа «Бесы» Ф.М. Достоевского на английский язык. В исследовании использованы переводы под авторством следующих авторов:

- Констанс Гарнетт – перевод 1916 года,
- Майкл Р. Катц – перевод 1992 года,
- Роберт А. Макгуайр – перевод 2008 года
- Р. Пивер и Л. Волхонская – перевод 2003 года.

Прежде чем давать оценку их переводов реалий, необходимо на наш взгляд ознакомиться с принципами перевода, которыми они руководствовались.

Гарнетт (англ. Constance Clara Garnett) (19 декабря 1861, Брайтон, Англия – 17 декабря 1946) – английская переводчица русской литературы. Гарнетт была первым переводчиком Льва Толстого, Фёдора Достоевского, Антона Чехова и познакомила с ними английскую и американскую публику. Она перевела 70 томов русской прозы, включая все романы Ф.М. Достоевского, сотни рассказов Чехова и два тома его пьес, почти все работы Толстого, главные произведения творчества Тургенева, Герцена, Гончарова и Островского. Такой объем работы не мог не отразиться на исполнении. Гарнетт работала с невероятной скоростью, и когда она натыкалась на незнакомое слово или фразу, то просто пропускала это и переводила дальше. Гарнетт часто использует сглаживающий перевод с элементами ориентирования на язык перевода; в целом ее работа похожа на свободный перевод, своего рода пересказ оригинала.

У такого подхода есть немало критиков, и саму К. Гарнетт нередко обвиняли в некачественной работе. Однако у К. Гарнетт есть и свои поклонники, например, Эрнест Хэмингуэй, который говорил, что не мог читать русскую классику, пока не начал читать переводы Гарнетт.

Майкл Р. Кац – почетный профессор русских и восточноевропейских исследований в колледже Миддлбери. Опубликовал переводы более пятнадцати русских романов. В отличие от К. Гарнетт, М. Катц знаком с русской культурой лично, он бывал в Советском союзе, России, а русский язык ему преподавала бежавшая от революции иммигрантка-графиня.

Роберт А. Магуайр (1930-2005) занимал должность профессора Колумбийского университета, больше всего известен англоговорящим читателям по переводам многих романов русских авторов, в том числе «Мертвых душ» Гоголя и «Игрока» Достоевского, его последней работой стал перевода романа «Бесы».

Тщательность переводов Магуайра поражает, его текст снабжен комментариями не только русских реалий, но и французских, многие слова переведены с помощью транскрипции, а их значение толкуется в довольно широком словаре в конце книги.

Лариса Гиршевна Волохонская (переводчик на английский язык) с мужем Ричардом Пивером (поэтом и переводчиком) являются наиболее известными современными переводчиками русской классической прозы на английский язык. Она в идеале знает русский (Окончила отделение математической лингвистики филологического факультета Ленинградского университета), он английский (плюс степень бакалавра искусств. степень от Колледж Аллегейни в 1964 г. и степень магистра Университет Вирджинии в 1965 году).

Интересна методика их перевода. Команда мужа и жены работает в два этапа: Волохонский готовит свою английскую версию оригинального текста, стараясь как можно точнее следовать русскому синтаксису и стилистическим особенностям, а Пивер превращает эту версию в отточенный и стилистически

подходящий английский. Пивер по-разному описал их рабочий процесс следующим образом:

«Лариса перебирает его, поднимая вопросы. А затем мы перебираем его снова. Я создаю еще одну версию, которую она читает против оригинала. Мы просматриваем ее еще раз, а затем читаем еще дважды в доказательство». [39] [42]. Даже поверхностное знакомство с личностями переводчиков может в дальнейшем помочь понять, почему их переводы имеют те или иные тенденции. Ниже представлен анализ их переводов и переводческие приемы, использованные ими при работе над романом «Бесы».

2.1.2. Калькирование как способ перевода реалий

Калькирование помогает не только передать смысл реалии, но и избежать переизбытка транскрибированных слов в переводе, которые усложняют чтение. Примеры калькирования в переводах встречаются достаточно часто используются авторами в одинаковых случаях. Так ЛЕ «вольнодумец» всеми переводчиками переведена как «*Repentantfree-thinker*» или «*Repentant Freethinker*». В таких случаях переводчикам удается передать смысл каждой части слова, что в итоге приближает переведенное слово к оригинальному по смыслу.

Калькирование используется для перевода разных типов реалий. Например, очень часто этот метод используется при переводе исторических реалий и указаний госучреждений и госслужб. Например, перевод реалии «Третье отделение»:

Ф.Д.: *Но с тем, чтобы мне прощение из Третьего отделения по телеграфу немедленно!*

К. Г.: *But only on condition that I get a pardon from the Secret Police at once*

М. К.: *But only on the condition I receive a pardon from the Third Section immediately*

P. M.: *But only on condition that there is an immediate pardon from the Third Department.*

P. П. и Л. В.: *But, with that, a pardon by telegraph from the Third Department, immediately*

Все переводчики, кроме К. Гарнетт, использовали калькирование и перевели существительное «*отделение*», как относящееся к госслужбе подразделение: «*Section*» и «*Department*». Также переводится и определяемое его числительное: это хоть и не передает никакого значения читателю, но оставляет элемент национального колорита, а о смысле может догадаться по значению существительного и исходя из общего контекста. К. Гарнетт использовала для перевода английскую реалию «*secret police*», текст для читателя в данном случае был упрощён, но на наш взгляд другие авторы справились с переводом реалии путём калькирования лучше.

Перевод путём калькирования исторических реалий можно увидеть (причём у всех авторов) при переводе реалии «Игоревое время».

Ф.Д.: *Я, разумеется, не про Игоревое время говорю;*

К. Г.: *I'm not talking of the days of Igor, of course;*

М. К.: *Of course, I'm not talking about the age of Igor;*

P. M.: *Needless to say, I'm not speaking of the time of Prince Igor.*

P. П. и Л. В.: *I'm not talking about Igor's time*

Калькирование идеально передает семантику выражения, оставляя национальный окрас в виде типично для России имени. Однако само по себе выражение «*время Игоря*» имеет другой контекст, если использовать просто кальку в виде «*Igor*». Для англоязычного читателя не особо понятно кто такой Игорь и что это за время. В этом плане P. Магуайр не просто пошёл путём калькирования, но и уточнил, что Игорь – это Князь «*Prince Igor*», и соответственно говорится о каком-то историческом периоде.

Стоит также отметить, что P. Пивер и Л. Волхонская хоть и переводят просто «*Igor's time*» при этом также дают переводческий комментарий (*Igor's time – Igor Svyatoslavich (1151-1202) was prince of Novgorod Seversk, a small*

town near Chernigov, in the period predating the rise of the Muscovite kingdom).

Данный комментарий с указанием времени правления Игоря даёт читателю понять, что речь о давнишних временах.

У К. Гарнет – это и вовсе стало не временем, а днём. В контексте текста, где говорится о праздности читатель может вполне себе решить, что в России существует праздник День Игоря.

Данный пример является очень показательным, что калькирование каким бы прекрасным приёмом не было для перевода большинства реалий, не всегда удачный вариант, если не соотносить его при этом с контекстом.

Калькирование также применяется для того, чтобы при переводе сохранить смысл, вложенный в понятие, присутствующее только в языке оригинала. Например, при переводе фразеологизма «*административный восторг*» все авторы использовали ЛЕ «*administrative*», которая даёт понимание читателю о виде восторга, связанным именно с административными полномочиями. Другим примером может послужить выражение «*смутное время*», для передачи смысла все авторы перевели «*смутное*» как «*troubles*». Однако в данном случае был утрачен факт отсылки к истории России, что может ввести читателя в заблуждение, так как он вполне может подумать, что данное выражение вовсе не является реалией. В данном случае можно было взять данное выражение в кавычки или дать комментарий по поводу исторических событий в это время. Что примечательно, в переводе Р. Пивера и Л. Волхонской, который изобилует разными переводческими комментариями к этому выражению комментарий тоже не был дан.

Очень часто калькирование снабжается переводческими комментариями. Так, например, при переводе

«*Я вон в пятницу натрескался пирога, как Мартын мыла*» переводчики при использовали и калькирование «*Martin...soap*», и переводческий комментарий, что обеспечило осознание читателем того факта, что данное выражение является предметом народного, а не писательского творчества.

Данное сочетание было использовано во всех переводах кроме перевода Р. Пивера и Л. Волхонской:

Granted, last Friday I stuffed myself with pie like nobody's business, but after that I gave up eating for a day, starved for another, and fasted for a third.

Стоит сказать, что в данном случае использование калькирования с приёмом транскрипции у других переводчиков выглядит наиболее удачнее, чем попытка смыслового перевода этой парой переводчиков. Зачастую при переводе необходимо комбинировать кальку и транскрипцию. Так, например, сделала К. Гарнетт при переводе: «*Дамы высшего общества заливались слезами, читая «Антон Горемыку»*», так как *Горемыка* в этом случае несет семантическую нагрузку. Её перевод можно назвать наиболее удачным в данном случае, так как сплошная транскрипция «*Anton Goremyka*» у М. Катца и Р. Макгуайра не позволила передать смысла названия данного произведения. У Р. Пивера и Л. Волхонской и вовсе он стал по смыслу негодяем, а не горемыкой: «*Anton the Wretch*». При этом авторы дают комментарий: «Anton Petrov was a peasant from the village of Bezdna ("abyss" in Russian) who was given the task of reading the statutes of the peasant reform of 1861 to the peasants. Up to five thousand people gathered from surrounding villages to hear his explanations of the reform, causing unrest which was severely quashed by the authorities», в рамках которого роль негодяя у Ивана усилилась ещё больше, хотя по смыслу произведения он таковым и не являлся.

Калькирование сочетает в себе элементы транскрипции и полного перевода, а значит обладает достоинствами обоих способов: как и в транскрипции, калькирование зачастую сохраняет некоторые элементы оригинального звучания и добавляет в текст перевода элемент чужезычности, но в то же время переведенные элементы позволяют сохранить семантику оригинального понятия и донести ее до читателя.

2.1.3. Сужение и расширение как способ перевода реалий (конкретизация и генерелизация)

Конкретизация и генерелизация также нередко используются переводчиками.

Ф.Д.: *Вы вняли голосу рассудка...*

К. Г.: *You've listened to the voice of reason...;*

М. К.: *You've heeded to the voice of reason...;*

Р. М.: *You have harkened to the voice of reason...*

Р. П. и Л. В.: *You've heeded the voice of reason...*

Выражение «внять голосу рассудка» было переведено тремя разными способами. К. Гарнетт в качестве эквивалента глаголу внимать выбрала английский глагол *to listen*, А.Р. Магуайр выбрал более узкое по значению слово *to harken*, обозначающее и слушать, и обращать внимание [62], но еще более узконаправленный вариант можно найти в переводах М. Катца и Р. Пивера и Л. Волхонской, а именно глагол *to heed* (обращать внимание) [62]. Все перечисленные варианты одинаково хорошо передают смысл оригинала, однако если говорить о том, является ли хотя бы один из них эквивалентом исходному слову в стилистическом аспекте, то ответ будет скорее отрицательный, чем положительный. Представленные выше переводы подошли бы больше как перевод фразы «прислушиваться к голосу рассудка», то есть глаголу более нейтрального регистра, в то время как «внимать» можно отнести скорее к архаизмам, этот глагол не используется в современной речи за пределами вышеупомянутого устойчивого выражения. Однако ни один из вариантов переводчика такого оттенка не имеет, а он достаточно важен, так как показывает, что герой выражается несколько высокопарно, а его повторение в том же предложении делает глагол еще более экспрессивным. Тем не менее нужно признать, что в английском языке в данном случае сохранить колорит реалии не представляется возможным, а значит использование в качестве перевода широко употребляемых глаголов неизбежно.

Выбирая из трех вариантов, хочется исключить лишь первый вариант, так как в нем переводчик даже не попытался составить хотя бы в какой-то мере оригинальную фразу. К. Гарнетт в целом не часто старается сохранить

оригинал, о чём говорят и многие предыдущие переводы, и следующий пример перевода:

Ф.Д.: *Ему дали крестик и произвели в унтер-офицеры, а затем как-то уж скоро и в офицеры;*

К. Г.: *He received a cross...;*

М. К.: *He was awarded a cross...;*

Р. М.: *They gave him a decoration...;*

Р. П. и Л. В.: *he was awarded a little cross...*

Вполне возможно, что К. Гарнетт и М. Катц перепутали награду в виде креста с нагрудным крестиком, т. к. *a cross* вообще не имеет значения награды или ордена [61], чем и является крест, которым награждали военных во времена Российской Империи. Р. Пивер и Л. Волхонская и вовсе указывает на то, что это не крест, а крестик прибавляя к «*cross*» ещё и размер «*little cross*», что ещё больше искажает смысл креста как награды. Поэтому более адекватным является вариант А.Р. Магуайра— *a decoration*, в котором переводчик применил генерализацию (*a decoration is a medal that is given to somebody as an honour* [61]).

Ф.Д.: *Дело кончилось разжалованием в солдаты, с лишением прав и ссылкой на службу в один из пехотных армейских полков;*

К. Г.: *The case ended in his being degraded to the ranks, deprived of the rights of a nobleman...;*

М. К.: *The affair came to an end with his being reduced to the ranks, deprived of his rights...;*

Р. М.: *The upshot was a reduction to the ranks, with deprivation of his rights as a nobleman...;*

Р. П. и Л. В.: *The affair ended with his being broken to the ranks, stripped of his rights...*

Во всех четырех переводах фраза «лишение прав» была передана посредством сужения значения, однако в каждом случае это было сделано по-разному. К. Гарнетт перевела эту фразу как *deprived of the rights of a nobleman*,

т. е. использовала пояснение о том, каких именно прав был лишен герой. М. Катц также использовал уточнение, но уже другого рода- *deprived of his rights*, а А.Р. Магуайр в своем переводе использовал оба эти уточнения – *with deprivation of his rights as a nobleman*.

Однако во всех случаях, кроме перевода Р. Пивера и Л. Волхонской был использован глагол *deprive* или существительное *deprivation* которое образовано от этого глагола. То *deprive* означает обязательно лишение чего-то важного (прав или каких-либо привилегий), в то время как в русском языке «лишить» можно чего угодно. Однако данное сужение не влияет на восприятие текста и является адекватным переводом.

Р. Пивер и Л. Волхонская же использовали глагол «*stripped*» согласно Oxford Learner's Dictionaries данный глагол употребляется в значении лишить, но со смыслом «раздеть догола», что явно не соответствует смыслу выражения в произведении и больше похоже на попытку эмоционального усиления, которое тут явно не к месту.

Интересным представляется перевод истории с буквой «твёрдый знак». В романе Достоевского говорится об её уничтожении:

Ф.Д.: *Говорили об уничтожении цензуры и буквы ь ...;*

К. Г.: *They talked of the abolition of the censorship, and of phonetic spelling;*

М. К.: *They talked about the abolition of censorship and a superfluous letter in the alphabet;*

Р. М.: *The talk was of the abolition of censorship and of spelling reforms;*

Р. П. и Л. В.: *They talked about the abolition of censorship, about spelling reform.*

К. Гарнетт, А.Р. Магуайр, Р. Пивер и Л. Волхонская не стали вдаваться в своих переводах от какой именно буквы было решено избавиться. Данная реалья была переведена достаточно обобщённо как «*abolition of phonetic spelling*» или же «*spelling reform*». М. Катц перевел уничтожение буквы ь как «*abolition of a superfluous letter in the alphabet*». Данный перевод на наш взгляд не совсем удачный, так как в реальном тексте Достоевского нет комментариев

рассказчика по поводу того является ли «твёрдый знак» лишней буквой или нет. Расширение значения в данном случае использовали только К. Гарнетт и М Катц, хотя в данном случае оно не является необходимым, но вариант Магуайра и Пивера с Волхонской, в свою очередь, не является достаточно полным, возможно лучшим способом передать реалию в данном случае было бы сохранить русскую букву ь и снабдить ее переводческим комментарием.

Конкретизация и генерелизация реалии очень часто неизбежны при переводе. Но зачастую по-другому донести смысл до читателя просто невозможно. При этом стоит отметить, что в случае использования данного приёма реалия теряет весь колорит.

2.1.4. Нейтрализация и эмфатизация как способ перевода реалий

Эмоционально-окрашенная лексика характерна для произведений Ф.М. Достоевского. В различных культурах отличается восприятие эмоционально-оценочной информации. Перед переводчиками встает вопрос, усилить или нейтрализовать эмфазу в том или ином случае. Для решения данной проблемы используют приемы эмфатизации и нейтрализации оригинальных лексических единиц. Рассмотрим несколько примеров.

Ф.Д.: *Вы на нас, коренных русаков, поневоле должны смотреть с удивлением;*

К. Г.: *You must inevitably look with wonder on us who are Russians to the backbone;*

М. К.: *You must regard us genuine Russians with some astonishment;*

Р. М.: *You are bound to be surprised when you look on us homegrown Russians.*

Р. П. и Л. В.: *You must look at us dyed-in-the-wool Russians with surprise.*

«Русаки»- слово просторечного и фамильярного регистра, которое невозможно передать на английский язык, потому все переводчики

использовали нейтральное *Russians*. Этот вариант является приемлемым, так как в данном случае альтернативы отсутствуют.

Здесь бы хотелось отметить, что в контексте романа переводить стоило не слово, а выражение «коренные русаки». В данном случае наилучший перевод считаем получился у К. Гарнетт «*Russians to the backbone*», что подразумевает «*русский до мозга костей*». В данном случае происходит даже не нейтрализация, а эмфатизация. Неплохо воспринимается вариант и М. Катца «*genuine Russians*» - *настоящие русские*. Вариант Магуайра «*homegrown Russians*» очень сильно нейтрализует выражение, так как «*homegrown*» в данном контексте просто «отечественный», но можно вырасти в России и при этом не быть русским до мозга костей. Перевод Р. Пивера и Л. Волхонской и вовсе выглядит несуразно – *dyed-in-the-wool Russians*. Пытаясь усилить эмоциональную окраску, они применили выражение, которое будет ближе к английскому восприятию. *Dyed-in-the-wool* подразумевает «*твердые убеждения или мнения, которые никогда не изменятся*» и как крылатое выражение о «*твёрдых «крашеных в шерсти» традиционалистах*». На наш взгляд такой перевод несколько неудачен.

Ф.Д.: *Знал бы только, что это вас так **фраппирует**, так я бы совсем и не начал-с..;*

К. Г.: *If I had only known it would upset you so much I wouldn't have begun at all;*

М. К.: *Had I known this would upset you so, I'd never have begun...;*

Р. М.: *If I'd only known that this would shock you so, I wouldn't have started it at all, no sir.*

Р. П. и Л. В.: *If I'd only known you'd be so astounded by it, I wouldn't have begun at all, sir...*

В русском языке глагол *фраппировать* (безусловно имеющий французское происхождение) означает неприятно поражать, изумлять, удивлять [58]. В английский язык этот французский глагол не попал, и при переводе он часто теряет в первую очередь высокий регистр, а также оттенок

иностранности, который он привносит в речь говорящего. В различных контекстах этот глагол был переведен одними и теми же переводчиками по-разному. К. Гарнетт и М. Катц перевели «фраппировать» нейтральным глаголом *to upset*, а А.Р. Магуайр- глаголом *to shock*. В данном случае наиболее близким к оригинальному значению были на наш взгляд Р. Пивер и Л. Волхонская использовав глагол «*astounded*» - *изумить, поразить*, но и тут авторы упустили момент того, что изумление — это отрицательно и человек не просто изумлен, а изумлен неприятно. Во всех переводах эмоциональная окраска выражения была сужена причём разными способами: у одних авторов это просто расстройство, а у других – это просто изумление.

Стоит отметить, что тот же глагол «фраппировать» в другом предложении («*Вы. вы так фраппировали меня. – проленетал Степан Трофимович, – что я вам не верю*») К. Гарнетт уже перевела как *to amaze*:

You have... so amazed me...» faltered Stepan Trofimovitch, «that I don't believe you.»;

М. Катц и А.Р. Магуайр выбрали похожие варианты *to shock* и *to give a shock*:

You... you've shocked me so... I don't believe you;

You... you have given me such a shock... that I don't believe you.

Р. Пивер и Л. Волхонская использовали тот же глагол «*astound*»:

You... you astound me so..." Stepan Trofimovich stammered, "that I don't believe you...

Все приведенные варианты перевода принадлежат к стандартной речи, а, следовательно, перевод, осуществленный с их помощью, потерял оригинальный колорит.

В качестве примера хотелось бы привести ещё пример перевода ЛЕ «кирка». «Кирка»– лютеранская церковь, в сочетании с глаголом «клеить» рассказчик, носитель православной культуры, конечно, высказывает некоторое пренебрежение:

Ф.Д.: *Ей хотелось перелить в него свое честолюбие, а он вдруг начал клеить кирку...*

К. Г.: *He suddenly began making a toy church;*

М. К.: *He suddenly began to assemble a church out of cardboard;*

Р. М.: *He suddenly began assembling a church from paper and paste;*

Р. П. и Л. В.: *He all of a sudden began gluing together a German church.*

Во всех рассматриваемых переводах пренебрежение рассказчика вложено в глагол, дополненный некоторыми деталями, но сама кирка переведена как нейтральное «*a church*». Совсем на наш взгляд не к месту оказалась деталь, которую выбрали Р. Пивер и Л. Волхонская, указав что кирка немецкая «*German church*».

Говоря о нейтрализации и эмфатизации как способах перевода реалий, на основе проведенного анализа можно сделать вывод, что приём нейтрализации используется намного чаще. Данный способ наиболее безопасен и позволяет наилучшим образом сохранить основной смысл. Правда в данном случае теряется часто не только колорит, но и эмоциональная окраска. Эмфатизация на наш взгляд наиболее сложна как способ перевода. Рассмотренные попытки эмфатизации выглядели в данных переводах не совсем удачно.

2.1.5. Функциональная замена как способ перевода реалий

Сложность перевода романа «Бесы» становится наиболее очевидной, так как до сих пор нет единого перевода даже у заглавия романа.

В славянской мифологии «бес» – это и дух, и черт, и демон, и дьявол [58], поэтому точно перевести данное понятие для англоязычного читателя достаточно сложно, а точнее невозможно. В итоге в четырёх рассматриваемых версиях было использовано аж три версии перевода заглавия романа.

К. Гарнетт предложила закрепившийся в английской культуре перевод *The Possessed*, т.е. одержимые(бесами). Для русскоговорящего читателя

понятия «бесы» и «одержимые бесами» достаточно очевидна, поэтому на наш взгляд выбор для заглавия романа не совсем удачен.

М. Катц сделал попытку перевести само понятие бесы с помощью замены на привычное для англоговорящих читателей «*Devils*». В русской культуре дьявол – это что-то пострашнее чем бес, да и множественная форма «дьяволы» в нашей культуре не встречается, так как дьявол у нас только один.

Наилучшим вариантом на наш взгляд стал вариант Р. Магуайра и Р. Пивером и Л. Волохонской, которые выбрали для перевода заглавия «*Demons*». Демоны и бесы близки по восприятию в обеих культурах, и несмотря на то, что в нашей культуре бесы и демоны являются частью культуры, данный перевод наиболее удачен на наш взгляд.

Способ функциональной замены присутствует конечно и в тексте. Так, данный способ использовали все переводчики при переводе ЛЕ «нагайка».

Ф.Д.: *Капитан Лебядкин ежедневно свою прекрасную сестрицу, помешанную, нагайкой стегает, настоящей казацкой-с, по утрам и по вечерам;*

К. Г.: *Captain Lebyadkin thrashes that precious sister of his, the mad girl, every day with a whip, a real Cossack whip, every morning and evening;*

М.К.: *Every day, morning and evening, Captain Lebyadkin thrashes that lovely little sister of his, her that's deranged, with a whip, a real Cossack whip;*

Р. М.: *Caplain Lebyadkin beats his beautiful young sister, the crazy one, every day with a whip, a real Cossack whip, mornings and evenings*

Р. П. и Л. В.: *The captain whips that beautiful sister of his, the crazy one, with a quirt, a real Cossack quirt, sir, every day, morning and evening*

При переводе слова «нагайка» все переводчики (кроме Р. Пивера и Л. Волхонской) использовали слово *whip*, хотя «нагайка» – это короткая и тяжелая плеть из нескольких ремней [58], в то время как *a whip* – «is a long thin piece of rope or leather with a handle, that you hit animals with to make them move or that you hit someone with to punish them» [62], т. е. нагайка отличается от простой плети тем, что состоит именно из нескольких ремней. Р. Пивер и Л.

Волхонская использовали «*quirt*». В Oxford Learner's Dictionaries данная лексическая единица отсутствует. Данное слово нами найдено в Dictionary by Merriam-Webster [60]. В американской версии это хлыст с короткой ручкой и плеткой из сыромятной кожи, по сути тот же «*whip*».

Здесь стоит отметить, что приём транскрипции для слова «казацкая» в данном случае даёт понимание читателю о том, что это эта плеть или хлыст может иметь свои особенности, так как они не простые, а казацкие. В данном случае авторами не утерян смысл, так как его поддерживает контекст предложения, поэтому функциональная замена здесь очень удачна. Аналогичным примером может послужить перевод «*черкесской шашки*». Все переводчики использовали транскрипцию и функциональную замену: «*Circassian sabre*». Хотя это вызвало некоторые проблемы с переводом всего предложения: *У него действительно висели на стене два ятагана накрест, а над ними настоящая черкесская шашка*. Так как в данном случае говорится сразу о двух видах оружия (ятаган и шашка), которые не имеют эквивалента в английском языке. «Ятаган» – это большой кривой турецкий кинжал, отточенный с одной стороны [58], и в качестве его перевода наиболее правильным было бы выбрать «*sabre*», но тремя авторами (кроме Р. Пивера и Л. Волхонской) было выбрано «*a dagger*» – «is a short pointed knife used as a weapon» [62]. Причём у Р. Магуаера мы видим уточнение «*Turkish daggers*».

Р. Пивер и Л. Волхонская в случае с ятаганом использовали транскрипцию:

Indeed, he had hanging on the wall, I do not know why, two crossed yataghans and, above them, a real Circassian sabre.

При этом комментария по поводу данной лексической единицы у них не дано, хотя в данном переводе по любому поводу практически дан комментарий (всего их в книге 447 единиц). Понять, что такое «*yataghans*» из контекста читателю достаточно сложно.

Функциональная замена достаточно часто используется переводчиками. Мы наблюдаем её в переводе «*Боже! Петруша двигателем! (революции)*» у

М. К. и Р. М.: переводчики заменили его на *revolutionary* либо *revolutionist*. Р. Хотя Пивер и Л. Волхонская используют выражение «*moving force*», которое по сути синоним «*social force*», которое использовала К. Гарнетт.

Замену мы видим при переводе ЛЕ «уезд». В переводах М. Катца, А.Р. Магуайра и Р. Пивера и Л. Волхонской для перевода было использовано слово *district* – «an area of a country or city, especially one characterized by a particular feature or activity» [62], что полностью сохраняет смысл реалии, однако не передает принадлежности исходной языковой единицы к архаизмам. К. Гарнетт использовала слово *province* – a principal administrative division of a country or empire» [61], но уезды в Российской империи в свою очередь делятся на волости, поэтому *province* не подходит в качестве перевода, так как является другой единицей объединения территорий.

Ф.Д.: *“Сами очень хорошо про то знаем-с и вам того же самого желаем-с.*

К. Г.: *The master himself knows that very well, and wishes you the same;*

М. К.: *The master knows as much himself and wished he could say the same about you;*

Р. М.: *We know about that very well, yes indeed, and we wish you the same, sir.*

Р. П. и Л. В.: *We know that ver-ry well ourselves, and the same to you, sir...*

В данном предложении услужливое -с было так или иначе передано всеми переводчиками. К. Гарнетт передала эту особенность русской речи переведя предложение в активный залог и сделав подлежащим *the master*, заменяющее сокращенное «сударь», тот же способ использовал и М. Катц. А.Р. Магуайр и Р. Пивер с Л. Волхонской пошли другим путем: они сохранили форму множественного числа, которая в русском языке означает уважительное обращение (в данном случае к самому себе), а услужливое «-с» заменено на *sir*. В данном случае все варианты перевода являются достаточно удачными и передают русский колорит в той степени, в какой это возможно в конкретном контексте.

Хотелось бы ещё отметить в данном случае лексическую единицу «оченно», являющуюся разговорно-сниженной формой наречия «очень». Эта лексическая единица добавляет колорита всему предложению, но только Р. Пивер и Л. Волхонская выделили это и использовали для перевода «*ver-ry*», что явно прибавит колорита данному выражению.

Удачным примером использования функциональной замены служит перевод выражения «с плеч долой» (Ф.Д.: *Рада-радешенька, что привезла вам наконец вашу фаворитку и сдаю с рук на руки: с плеч долой*), которое не имеет эквивалента в английском языке и переводы в всех четырех случаях различны. К. Гарнетт и А.Р. Магуайр использовали разные варианты выражения *that's a load off my mind*, означающее «bring someone relief from anxiety [62]. М. Катц использовал другое выражение, которое тем не менее очень близко по значению с оригинальным – *good riddance* – “said to express relief at being free of an unwanted person or thing” [62]. Р. Пивер и Л. Волхонская использовали выражение «Get off my back» [62], которое также достаточно близко по смыслу. На наш взгляд с данным выражением достаточно удачно справились все переводчики, сохранив при этом и эмоциональную окраску оригинала, но с потерей национального колорита.

Функциональная замена часто лишает перевод оригинальной эмоциональной и национальной окраски, но её использование помогает переводу приобрести художественную эстетичность и облегчить читателю его восприятие. Очень ярким примером служит перевод ЛЕ «ятаган», когда транскрипция «убила» весь смысл. Функциональная замена при этом часто сохраняет эмоциональную окраску для читателя, хотя, повторимся, колорит оригинального текста в этом случае пропадает. Последний пример ярко это показал и доказал: все авторы эмоционально украсили текст для читателей на английском языке, но именно национальный колорит фразы «с плеч долой» передать конечно сложно.

2.1.6. Описание как способ перевода реалий

Описание отчасти похоже на приём функциональной замены, но если в случае замены всё-таки передаётся некая эмоциональная и стилистическая окраска, то описание позволяет лишь понять смысл, но не уникальность реалии.

Ф.Д.: *С сестрой своею Дашей, тоже воспитанницей Варвары Петровны, жившею у ней фавориткой на самой благородной ноге, он имел самые редкие и отдаленные сношения;*

К. Г.: *His sister Dasha, who had also been brought up by Varvara Petrovna, was a favourite of hers, and treated with respect and consideration in her house; but he maintained an extremely infrequent and distant relationship with her;*

М. К.: *He had very little contact with his sister, Dasha, who'd also been brought up by VP, was a favourite of hers, and was even treated as an equal;*

Р. М.: *His sister Dasha, who had also been brought up by Varvara Petrovna, was a favourite of hers, and treated with respect and consideration in her house. He saw his sister rarely and was not on intimate terms with her.*

Р. П. и Л. В.: *His communications with his sister Dasha, who was also Varvara Petrovna's ward and lived with her as her favorite on the most noble footing, were very rare and distant.*

Выражения «жить на благородной ноге» не существует даже в русском языке, поэтому данный фрагмент является довольно сложным для перевода. Больше всего приведенное выражение похоже на жить на широкую ногу, т.е. с размахом и не отказывая себе ни в чём [58]. Даша при этом не относилась к богатым и высшим слоям и «жила на благородной ноге» из-за отношения Варвары Петровны к ней.

У К. Гарнетт и Р. А. Магуайра это выражение переведено в итоге как «*and treated with respect and consideration in her house*», то есть как «*к ней относились с уважением и вниманием в ее доме*». М. Катц использовал для перевода «*was even treated as an equal*», что в целом можно перевести как «*ней даже относились как к равной*». Р. Пивер и Л. Волхонская перевели

данное выражение как «*on the most noble footing*», что буквально означает, что она была фавориткой на самой благородной основе.

Чтобы перевести данный фрагмент все переводчики передали его смысл описательно, однако при этом они потеряли всю уникальность выражения, конечно, перевод выражения, значение которого даже носители языка не знают, а скорее чувствуют, является сложной задачей для переводчика, и все же любая попытка создания более своеобразного выражения смотрелась бы намного интереснее. Наиболее удачным на наш взгляд здесь перевод у М. Катца, так как в контексте всего предыдущего текста читатель может в целом понять, как жила Даша, будучи на равных с Варварой Петровной.

Ф.Д.: *С жиру-с!*;

К. Г.: *Out of sheer wantonness;*

М. К.: *It's all due to his life of ease!*;

Р. М.: *It comes from having it too good, sir!*

Р. П. и Л. В.: *From fat living, sir.*

Данное предложение содержит в себе две проблемы с переводческой точки зрения: во-первых, в английском языке нет прямого соответствия этому выражению, а во-вторых, добавлено услужливое -с, т. е. сударь, которое нужно каким-то образом отразить в переводе.

С выражением «с жиру» все переводчики решили справиться при помощи описания. Присказка «-С» в наших примерах уже встречалась. А.Р. Магуайр и Р. Пивер с Л. Волхонской во всех случаях используют замену присказки на обращение «*sir*», которое полностью соответствует русскому оригиналу, а значит является адекватным переводом. К. Гарнетт и М. Катц в данном случае опустили её вовсе, хотя в другом примере воспользовались заменой и использовали «*master*»

Ф.Д.: *И ни слуху, ни духу, прошу вас;*

К. Г.: *And not a sight or sound of you, I beg;*

М. К.: *And don't breathe a word about it, I beg you;*

Р. М.: *Not a word out of you, I beg you!.*

Р. П. и Л. В.: *Not a breath, not a whisper, I beg you.*

В данном случае К. Гарнетт перевела «ни слуху ни духу» довольно буквально, но сохранив смысл, а М. Катц использовал *don't breathe a word about it*, что означает «не проговорись, не разболтай» [62], и это полностью отражает значение оригинала, как и вариант Р.А. Магуайра, и вариант Р. Пивера и Л. Волхонской.

Описание приходит на помощь переводчику, когда остальные трансформации не работают, поэтому при переводе реалий этот способ перевода часто приходит на выручку и помогает донести до читателей смысл иностранного понятия. Однако этот способ не может сохранить национальный колорит исходного понятия, а также зачастую выглядит в тексте довольно громоздко.

2.1.7. Переводческий комментарий как способ перевода реалий

Очень часто переводческий комментарий используется в ссылках на исторические личности (*Prince Igor; Lermontov; Pushkin*) или литературных персонажей (*Bazarov; Pechorin*), характерных для культуры переводимого текста.

Переводчики также прибегают к комментарию при переводе географических наименований, которые скорее всего неизвестны читателю (*Sevastopol; Arkhangelsk*).

Комментарий также встречается в переводе выдержек и цитат из литературных произведений (*The peasants are coming and bringing their axes; Something terrible is about to happen; The muzhiks are coming with axes in hand; Something most dreadful will happen*) или фольклора (*Oars of maple, sails of silk*).

Переводчики зачастую прибегают к комментарию, когда в тексте встречается непрямая ссылка на какого-либо человека или событие в истории, которая понятна читателя оригинального текста, но часто ничего не скажет читателю перевода.

В целом, переводческий комментарий является очень удачным способом перевода, так как предоставляет полную информацию (или же в необходимом объеме), позволяет читателю ознакомиться с другой культурой, а переводчику позволяет донести то, что невозможно выразить средствами языка перевода. Во всех рассмотренных случаях комментарии были уместны и послужили хорошим примером того, как комментарий может взять на себя передачу семантики реалии, в то время как другой выбранный переводчиком прием (транскрипция или калькирование) обеспечили сохранение колорита. Однако отдельно стоит отметить использование переводческого комментария у Р. Пивера и Л. Волхонской. В их книге использовано 447 переводческих комментариев (не считая вводной пояснительной части к транскрипциям имён собственных и географических объектов). При всём объеме перевода в 746 страниц получается, что комментарий использован чаще чем 1 раз на 2 страницы. Такое количество комментариев явно перегружает текст и не всегда было необходимо на наш взгляд.

Рассмотрим, как эти же приёмы перевода использовались в рамках перевода другого романа Ф. Достоевского.

2.2. Анализ переводов романа «Идиот» Ф.М. Достоевского на английский язык

2.2.1. Переводчики романа Ф.М. Достоевского «Идиот»

Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» переводился на английский язык 10 раз. Самый ранний перевод был создан Фредериком Уишоу в 1887 году. Последний на данный момент перевод выполнил Игнат Авсей в 2010 году. В настоящем исследовании мы анализируем четыре разновременных перевода романа «Идиот» на английский язык:

- перевод Констанс Гарнетт 1913 года;
- перевод Дэвида Магаршака 1955 года;
- перевод Ричарда Певира и Ларисы Волохонской 2002 года;

– перевод Евы Мартин 2008 года.

Со стилем перевода Констанс Гарнетт мы уже знакомы. Её перевод интересен явной особенностью её подхода.

С Р.Пивером и Л. Волхонской мы тоже уже знакомы. Однако в рамках анализа романа «Идиот» стоит отметить, что переводчики являются лауреатами Международной премии имени Ефима Эткинда 2006 года в номинации «За лучшую книгу, изданную в России или на Западе, посвящённую истории, теории или практике художественного перевода» за перевод этого романа на английский язык, поэтому в рамках анализа переводов данного романа нельзя обойти их перевод стороной.

Перевод Дэвида Магаршака интересен тем, что русская культура ему в целом не чужда. Родился он в Риге и учился в русской средней школе. В Англию он переехал в 1920 году, а английское гражданство получил в 1931. Будучи знаком с русским языком за образцы для перевода у Дэвида Магаршака являлись переводы К. Гарнетт. Насколько повлияли работы Гарнетт на его переводы вызывает особый интерес.

Перевод Е. Мартин интересен тем, что чаще всего именно её перевод 2008 года представлен в интернете в свободном доступе, поэтому читатели чаще сталкиваются с этой версией перевода.

2.2.2. Сужение и расширение как способ перевода реалий

Рассмотрим примеры использования генерализации и конкретизации для перевода слов-реалий в романе «Идиот».

Ф.Д.: Встречаю Залёжева, тот не мне чета, ходит как приказчик от парикмахера, и лорнет в глазу, а мы у родителя в смазных сапогах да на постных щах отличались;

К.Г.: I met Zalyozhev, He is quite another sort – got up like a hair-dresser's assistant, with an eyeglass in his eye, while at my father's house we wear tarred boots and, are kept on Lenten soup;

Д.М.: Then I met Zalyozhnev – he's unlike me as can be, goes about like a hairdresser's assistant, an eye-glass in his eye, and at my dad's house we walks about in tarred boots, and all we have foe dinner is thin cabbage soup;

Р.П. и Л.В.: I meet Zalyozhev, there's no comparing me with him, he looks like a shopkeeper fresh from the barber's, with a lorgnette in his eye, while the old man has us flaunting tarred boots and eating meatless cabbage soup;

Е.М.: Then I met Zaleshoff--looking like a hair-dresser's assistant, got up as fine as I don't know who, while I looked like a tinker.

*Lenten ((in the Christian Church) the period preceding Easter, which is devoted to fasting, abstinence, and penitence in commemoration of Christ's fasting in the wilderness [61]) soup – генерализация, переводчик считает, что важнее передать прилагательное постный и не берется объяснять, что представляют собой щи. Thin ((of a liquid substance) not containing much solid; flowing freely [61]) cabbage soup – попытка функциональной замены. Прилагательному thin в русском языке скорее будет соответствовать прилагательное «жидкий», а не «постный», таким образом искажается смысл. Наиболее точный вариант – функциональная замена *meatless cabbage soup*, так как переводчики постарались передать, из чего именно приготовлены постные щи. В переводе Евы Мартин половина предложения по сути опущена и вся его окраска потеряла смысл.*

Ф.Д.: Он был тепло одет, в широкий мерлушечий черный крытый тулуп, и за ночь не зяб, тогда как сосед его принужден был вынести на своей издрогшей спине всю сладость сырой ноябрьской русской ночи, к которой, очевидно, был не приготовлен;

К.Г.: He was warmly dressed in a full, black, sheepskin-lined overcoat, and had not felt the cold at night, while his shivering neighbor had been exposed to the chill and damp of Russian November night, for which he was evidently unprepared;

Д.М.: He was warmly dressed in a large lamb's-wool-lined black overcoat and had not felt the cold during the night, while his fellow-passenger had

experienced all the delights of a damp Russian November night for which he was obviously quite unprepared;

P.П. и Л.В.: He was warmly dressed in an ample lambskin coat covered with black cloth and had not been cold during the night, while his neighbor had been forced to bear on his chilled back all the sweetness of a damp Russian November night, for which he was obviously not prepared;

E.M.: He wore a large fur-or rather astrachan-overcoat, which had kept him warm all night, while his neighbour had been obliged to bear the full severity of a Russian November night entirely unprepared.

«Мерлушка – это мех, выделанная шкурка молодой овцы» [58]. Соответственно, «мерлушечий – сделанный, сшитый из мерлушек» [58]. В четырех переводах представлены разные варианты передачи ЛЕ на английский язык. В переводе К. Гарнетт прослеживается генерализация, так как ЛЕ *sheepskin* не дает читателю представления о том, что речь идет о тулупе из шкуры молодой овцы. Тем не менее, *sheepskin* – это дубленка, что близко по значению к тулупу («дубленка - шуба, полушубок, куртка из дублёной овчины» [58]), поэтому этот вариант мы считаем адекватным. Из значения ЛЕ *lambskin (prepared skin from a lamb with the wool on or as leather* [61]) следует, что данный вариант также можно считать генерализацией, так как неочевидно, идет ли речь о коже или о шерсти ягненка. Наиболее точный перевод у Д. Магаршака, так как он передает то, что «мерлушка» — это именно шерсть молодого ягненка, хоть и использует для обозначения тулупа ЛЕ «Overcoat».

Интересен также выбор вариантов перевода ЛЕ «тулуп». «Тулуп – долгополая меховая шуба (преим. овчинная, заячья), обычно не крытая сукном» [58]. *Overcoat (a long warm coat* [61]) и *coat (an outer garment with sleeves, worn outdoors and typically extending below the hips* [61]) – генерализация, так как в значении слов нет указания на материал, из которого сделана верхняя одежда. Выбор перевода Евы Мартин не совсем удачен, так как в её переводе используется «*overcoat*» - пальто, но из какого же всё-таки

материала это пальто автор поясняет неудачно. При этом стоит отметить, что она даже цвет пальто опустила в переводе.

Ф.Д.: На третий день по прибытии его в город явился к нему из его деревеньки его староста, верхом, с обожженной щекой и обгоревшей бородой, и возвестил ему, что «вотчина сгорела», вчера, в самый полдень, причем «изволили сгореть и супруга, а деточки целы остались»;

К.Г.: He had been two days in the town when the elder of his little village rode in with his beard bunt off and his cheek scarred, and informed him that the place had been burnt down the day before, just at midday, and ‘that his lady had graciously been burnt, but his children were unhurt. ’’;

Д.М.: On the third day after his arrival in the town, the bailiff of his village appeared on horse back with his beard signed and his cheek burnt and told him that his ‘country seat’ had burnt down the day before, at noon, his wife had perished in the flames, but that his children were unhurt;

Р.П. и Л.В.: On the third day after his arrival in town, his warden came from the village, on horseback, his cheek burned and his beard singed, and informed him that the "family estate burned down" the day before, at noon, and that "his wife burned with it, but the little children were left unharmed.";

Е.М.: One day, when he had ridden over to the town to see a creditor, the chief peasant of his village followed him shortly after, with the news that his house had been burnt down, and that his wife had perished with it, but his children were safe.

При переводе ЛЕ «деревенька» Д. Магаршак, Р. Певир с Л. Волохонской и Е. Мартин используют генерализацию, в результате чего пропадает уничижительность, также по ЛЕ нельзя представить размеры «деревеньки». К. Гарнетт старается сохранить оттенки оригинальной ЛЕ, добавляя слово *little*.

«Староста – выборное должностное лицо, выполнявшее административно-полицейские обязанности в сельском обществе» [58]. *The elder* – главный/самый старший в определенной группе. Эта ЛЕ расширяет значение ЛЕ, использованной в оригинале. *Bailiff (British: the agent of a*

landlord [61]) – ЛЕ, которая не имеет никакого отношения к русской культуре и поэтому выглядит чужеродно в тексте ПЯ. *Warden* – лицо, ответственное за соблюдение порядка в определенном месте, также наделенное административно-полицейскими обязанностями. Данный вариант перевода оказывается ближе всех к оригиналу. У Е. Мартин «староста» переводится как «*the chief peasant*», то есть главный крестьянин, что никак не передаёт того функционала, который имел староста в деревне.

«Вотчина – феодальная земельная собственность» [58]. Выбранное К. Гарнетт слово *place* генерализирует значение использованной в оригинале ЛЕ. Сочетания *country seat* (поместье) и *family estate* (родовое имение) обозначают земельное владение и синонимичны слову «вотчина», поэтому их можно считать адекватным переводом. Выбранное Е. Мартин «*house*» тоже вполне подходит для сохранения смысла. Правда эмоциональная окраска потеряна во всех переводах. Перевод Е. Мартин обращает на себя внимание также тем, что из двух достаточно обширных предложений у Ф. Достоевского («*Ободренный и просиявший надеждами, он отлучился на несколько дней в свой, уездный городок, чтобы повидаться и, буде возможно, столкнуться окончательно с одним из главнейших своих кредиторов. На третий день по прибытии его в город явился к нему из его деревеньки его староста, верхом, с обожженной щекой и обгоревшей бородой, и возвестил ему, что «вотчина сгорела», вчера, в самый полдень, причем «изволили сгореть и супруга, а деточки целы остались»*») в переводе вышло в одном представленном выше предложении. Автор просто опустила многие детали, которые полностью нейтрализовали всю эмоциональную окраску и состояние героев.

2.2.3. Нейтрализация и эмфатизация как способ перевода реалий

Обратимся к примерам перевода стилистически- и эмоционально-окрашенной лексики при помощи эмфатизации и нейтрализации:

Ф.Д.: *И какая ты наглая, я тебе скажу, тварь! Ну, вот так и знал, что какая-нибудь вот этакая тварь так тотчас же и повиснет!*;

К.Г.: *And what an insolent brute you are, let me tell you! I knew some brute like this would hang on to me at once;*

Д.М.: *'And what a cheeky beggar you are, let me tell you! I knew, 'he went on, addressing the prince,' that some cheeky wretch like that would immediately fasten on to me like a leech!';*

Р.П. и Л.В.: *And what a brazen creature you are, I tell you! I just knew some creature like him would cling to me at once!" he continued to the prince;*

Е.М.: *And what an impertinent beast you are!" he added angrily. "I thought some creature like you would hang on to me as soon as I got hold of my money. "*

«Тварь» («1) живое существо 2) презрительно или бранное обозначение человека» [58] – ЛЕ, содержащая сильную эмоциональную оценку. В оригинале в двух предложениях автор использует слово *тварь*. Д. Магаршак и Е. Мартин предпочли не повторять перевод «тварь» дважды. Слово *beggar* (*a person of a specified type, especially one to be envied or pitied* [61]) приглушает эмфазу, так как передает скорее сожаление, нежели чем презрение. Слово *wretch* (*a despicable or contemptible person* [61]) более соответствует оригиналу, при этом переводчик прибавляет определение *cheeky* (наглый), которое отсутствует в оригинале, что усиливает эмфазу. Вариант К. Гарнетт *brute* (*a savagely violent person or animal* [61]) передает скорее жестокость человека, чем презрение к нему, что также усиливает эмфазу. Слово *creature* может использоваться как с положительной, так и с отрицательной коннотацией. В данном случае оно, является адекватным вариантом перевода. А вот выбранное сочетание для первого перевода «*impertinent beast*» у Е. Мартин не очень удачно. Учитывая дальнейший контекст, про то, что только он получит деньги и на него все будут цепляться словосочетание «дерзкая скотина» как-то очень тяжело соотносится. Кстати стоит отметить, что Е. Мартин здесь применила также приём описания, поясняя почему на князя будут цепляться и каким образом.

Ф.Д.: Тут, очевидно, было что-то другое, подразумевалась какая-то душевная и сердечная бурда, — что-то вроде какого-то романтического негодования;

К.Г.: *Evidently there was something else in it; there were indications of a chaotic ferment at work in mind and heart, something like romantic indignation;*

Д.М.: *There was evidently something else here, some storm of the heart and mind, something in the nature of romantic indignation;*

Р.П. и Л.В.: *Here, obviously, was something else, implying some heartfelt and soulful swill-like some sort of romantic indignation;*

Е.М.: *There was evidently, he concluded, something at work here; some storm of the mind, some paroxysm of romantic anger.*

«Бурда – мутная жидкость, неприятная на вкус» [58]. В данном контексте бурда скорее непонятная смесь, неразбериха. К. Гарнетт и Д. Магаршаку удалось передать, что описываемая ситуация непонятна и запутана. К. Гарнетт использует многозначное слово *ferment* – 1) (*of a substance*) *undergo fermentation* 2) *Incite or stir up (trouble or disorder)* [61]. Тем самым переводчику удастся актуализировать все оттенки значения, использованные в оригинале. Однако, по стилистике *ferment* отличается от разговорной ЛЕ оригинала. Выбранное Д. Магаршаком слово *storm* (*a vehement outburst of a specified feeling or reaction* [61]) – пример эмфатизации, так как эмоциональное воздействие этой ЛЕ сильнее, чем у слова «бурда». Е.Мартин также выбрала *storm*, при этом всё словосочетание у неё «*some storm of the mind, some paroxysm of romantic anger*» слишком усиленно передаёт всю непонятность ситуации. В отличие от всех других переводчиков она в дополнение ко всему переводит «негодование» не как «*indignation*», а как «*anger*», то есть гнев, что по эмоциональной окраске намного выше, чем негодование. *Swill* (*alcohol of inferior quality* [61]) использованный у Р. Пивера с Л. Волхонской наиболее приближено к оригиналу по стилистике, но неясно, что речь идет о запутанной ситуации.

Таким образом, мы видим, что передача просторечной, эмоционально-окрашенной ЛЕ становится сложной задачей для переводчиков, которым приходится решать не только как выразить эмфазу, но и как передать стилистическую окраску слова. К сожалению, во всех вариантах переводчикам удалось справиться лишь с одной задачей из двух.

Ф.Д.: И после этого этот срамник еще прощения у них же лезет просить!;

К.Г.: And after that, this disgraceful creature must needs go and beg their pardon too!;

Д.М.: And after that this shameless fool runs after them and begs their forgiveness;

Р.П. и Л.В.: And after that this disgraceful creature goes asking their forgiveness!;

Е.М.: And after all this, that shameless creature will go and beg their pardon

«Срамник» – просторечное слово, использующееся в укоризненной форме [58]. Речь идет о человеке, который не чувствует стыда. Передать значение при помощи одной ЛЕ не представляется возможным, поэтому переводчики во всех трех случаях добавляют определение. У К. Гарнетт и Р. Певира с Л. Волохонской мы снова встречаем слово *creature*, которое в одном из рассмотренных примеров было использовано для перевода ЛЕ «тварь». В сочетании с определением *disgraceful* (позорный, постыдный) данный вариант усиливает эмфазу оригинала. Вариант Д. Магаршака *shameless fool* также усиливает эмоциональную окраску оригинала, так как в его переводе появляется слово *fool* (*a person who acts unwisely or imprudently; a silly person* [61]), не использованное у Ф.М. Достоевского. Е. Мартин использует и *shameless* и *creature*, усиливая эмфазу оригинала.

2.2.4. Функциональная замена как способ перевода реалий

В рамках анализа переводов романа «Бесы» мы уже рассматривали вариант перевода частицы «-с». Проанализируем и в данных переводах.

Ф.Д.: Ан, может, и знаю-с! — тормошился чиновник;

К.Г.: "But perhaps I do know!" said the official, fidgeting;

Д.М.: 'Well, sir, perhaps I know, perhaps I do,' the civil servant said, shaking with excitement;

Р.П. и Л.В.: "Or maybe I do know her, sir!" the clerk fidgeted.

Е.М.: "Oh, but I do know, as it happens," said the clerk in an aggravating manner.

Частица «-с» данном случае она использована для выражения почтения. Эту особенность передали Д. Магаршак и Р. Певир с Л. Волохонской, включив в текст слово *sir*. «Тормошиться» – разговорное слово со значением «беспокоиться, дергаться» [58]. Вариант с глаголом *fidget* (беспокоиться) выглядит предпочтительнее выбора Д. Магаршака (*shaking with excitement*), так как последний меняет смысл предложения (*excitement* – воодушевление, обладает положительной коннотацией, в то время как чиновник скорее трясется от беспокойства и нетерпения). Е. Мартин использует «*aggravating manner*», перевод для «тормошиться» в данном случае передан не совсем корректно, так как чиновник обеспокоен, а не говорит в раздраженной манере.

Ф.Д.: Я и ростом мал, и одет как холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно...;

К.Г.: I am short and badly dressed, and I stood, without a word, staring at her because I was ashamed...;

Д.М.: I'm a short fellow, as you see, dressed like a tramp, and I stood there staring at her without opening my mouth...;

Р.П. и Л.В.: I'm short and dressed like a boor, and I stand silently staring at her because I'm embarrassed...;

Е.М.: I was short and abominably dressed, and stood and stared in her face and never said a word, because I was shy, like an ass!

«Холуй» - это слуга, лакей [58]. Автор имеет ввиду, что герой одет бедно. К. Гарнетт справляется с задачей перевода данной ЛЕ при помощи описания. Д. Магаршак использует функциональную замену – слово *tramp* (бродяга), которое дает представление о внешнем виде героя. А Р. Певир и Л. Волохонская сосредоточиваются на другом значении слова холуй – «хам». Но если «хам» в русском языке имеет также значение «человек, принадлежащий к низшим классам» [58], и мы можем представить, как выглядит подобный человек, то в английском слово *boor* обладает только одним значением – «человек с плохими манерами, хам». Поэтому в представленном примере функциональная замена подобрана переводчиками неудачно. Е. Мартин к одежде применяет «*abominably*», по сути опуская сравнение с холуем. Колорит сравнения теряется, так как отвратительно можно одеться и будучи богатым, но не имея вкуса.

Ф.Д.: ...только чтоб было дешевле прожить, только о копейках и говорит, и, заметьте, у ней деньги есть, она плутовка;

К.Г.: ...-to live as cheaply as possible, and she talks of nothing but farthings. And yet she has money, you know: she is sly;

Д.М.: All she cares for is cheapness – to live as cheaply as possible – all she talks about is pennies, and yet she has money, you know; she's an awful rogue;

Р.П. и Л.В.: Her whole purpose in life is cheapness; only to live as cheaply as possible; the only thing she talks about is kopecks-and, mind you, she has money, she's a sly fox;

Е.М.: ...does nothing but try how little she can spend. She talks of nothing but money all day

«Плутовка» разговорное слово со значением «1) ловкая обманщица, мошенница; 2) лукавая, хитрая женщина» (Ефремова Т.Ф., 2000), перевести которое можно также обратившись к функциональной замене. Важно сохранить значение «хитрый обманщик». К. Гарнетт меняет существительное на прилагательное *sly*, в значении которого присутствуют оттенки хитрый и обманчивый. *Awful rogue (a dishonest or unprincipled man [61])* Д. Магаршака

слишком прямолинейный вариант, так как в оригинале слово «плутовка» лишь намекает читателю на мошенническую натуру персонажа, но не указывает на это прямым текстом. Переводчик в данном случае использует усиление эмфазы. Как и в русском, в английском языке лиса ассоциируется с хитрым животным, поэтому употребление Р. Певиром и Л. Волохонской разговорного выражения *sly fox* уместно и наиболее подходит контексту по стилистике. В переводе Е. Мартин, как и во многих других случаях перевода, реалия просто опущена.

Ф.Д.: «Смиранный игумен Пафнутий руку приложил»;

К.Г.: The humble Abbot Pafnuty has put his hand thereto;

Д.М.: The humble Abbot Pafnuty hath put his hand hereto;

Р.П. и Л.В.: The humble hegumen Pafnuty here sets his hand to it;

Е.М.: The gentle Abbot Pafnute signed this

«Игумен» - настоятель монастыря православной церкви [58]. К. Гарнетт, Д. Магаршак и Е. Мартин при переводе заменяют данную реалию, реалией, связанной с католической церковью. Таким образом, переводчики действуют в рамках стратегии доместикации. От этой стратегии отходят Р. Певир и Л. Волохонская, выбирая для перевода иностранное слово *hegumen* и, тем самым сохраняя своеобразие оригинала.

2.2.5. Описание как способ перевода реалий

Рассмотрим примеры использования описательного перевода.

Ф.Д.: Один был довольно скромного вида человек средних лет, с порядочно наружностью во всех отношениях, но имевший вид решительного бобыля, то есть из таких, которые никогда никого не знают и которых никто не знает;

К.Г.: One was a middle-aged man of rather modest appearance. He looked like a gentleman in all respects, yet he had the forlorn air of one of those men whom nobody knows and who know nobody;

Д.М.: One was a middle-aged man of rather modest appearance, who looked absolutely respectable, but conveyed the impression of a solitary man – that is, one of those men whom nobody knows and who knows nobody;

Р.П. и Л.В.: One was a rather modest-looking middle-aged man, of decent appearance in all respects, but having the air of a confirmed old bachelor, that is, one of those who never know anybody and whom nobody knows;

Е.М.: One of these was a middle-aged man of very respectable appearance, but with the stamp of parvenu upon him, a man whom nobody knew, and who evidently knew nobody.

«Бобыль – бедный безземельный крестьянин без семьи» [58]. Естественно, что слово, включающее столько значений невозможно передать одним соответствием на английском языке. Оттенки значения неизбежно теряются во всех переводах, так как каждый переводчик, с целью не перегружать сложное предложение дополнительными определениями, сосредотачивается только на одной стороне слова «бобыль». Одиночество передано всеми переводчиками, кроме Е. Мартин, но безземельность и бедность остаются за рамками перевода. Совсем не понятен выбор Е. Мартин для перевода выражения «*stamp of parvenu*». «Выскачка» здесь явно никак не соотносится с реалией.

Ф.Д.: совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, бог любит!;

К.Г.: you are a regular blessed innocent, and God loves such as you;

Д.М.: If that is so, then you are a regular holy fool, Prince, and such as you God loves.;

Р.П. и Л.В.: ...you come, out as a holy fool, Prince, and God loves your kind!;

Е.М.: перевод отсутствует

При передаче слова «юродивый» важно указать на его религиозную составляющую, с чем удалось справиться всем переводчикам. Тем не менее, вариант К. Гарнетт выглядит более громоздким, чем описание *holy fool*.

Е. Мартин в данном случае выкинула несколько фраз из диалога.

В итоге диалог, звучавший у Ф. Достоевского следующим образом:

— *Я, н-н-нет! Я ведь... Вы, может быть, не знаете, я ведь по прирожденной болезни моей даже совсем женицин не знаю.*

— *Ну коли так, — воскликнул Рогожин, — совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, Бог любит!*

— *И таких Господь Бог любит, — подхватил чиновник.*

— *А ты ступай за мной, строка, — сказал Рогожин Лебедеву, и все вышли из вагона.*

В переводе Е. Мартин сократился в два раза:

"Oh no, oh no! said the prince; "I couldn't, you know--my illness--I hardly ever saw a soul."

"H'm! well--here, you fellow--you can come along with me now if you like!" cried Rogojin to Lebedeff, and so they all left the carriage.

Уже не первый раз Е. Мартин предпочитает опустить перевод реалий.

Ф.Д.: Он давал деньги, присылал необходимые вещи — портянки, подвертки, холста, приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного, с полным убеждением, что они будут их дорогой читать и что грамотный прочтет неграмотному;

К.Г.: He used to give them money, send them the most necessary articles — leg-wrappers, under garments, linen, and sometimes tool them books of devotion, which he distributed among those who could read, firmly persuaded that they would read them on the way, and that those who could read would read them to those who could not (с.405);

Д.М.: He gave them money, sent them all sorts of necessary articles - rags to wind round their legs and feet, pieces of linen, and sometimes brought them religious tracts, which he distributed among those who could read in the full conviction that they would read them on the way and that those who could read would read them to those who could not;

P.P. и Л.В.: He gave them money, sent them necessary things-leg wrappings, foot-cloths, pieces of linen, sometimes brought pious tracts and gave them to all who were literate, fully convinced that they would read them on the way, and that the literate ones would read to the illiterate;

E.M.: he gave them money; he brought them all sorts of necessaries for the journey, and gave them devotional books, choosing those who could read, under the firm conviction that they would read to those who could not, as they went along

«Портянки» и «подвертки» фактически синонимы. К. Гарнетт удачно справляется с передачей слова «портянки», но путается в значении его синонима, тем самым добавляя в текст перевода *under garments* (предметы нижнего белья), которые не упоминаются в оригинале. Д. Магаршак пользуется практически словарным определением этих слов, объединяя их в одно, но при этом утяжеляя текст. Адекватным переводом мы считаем вариант Р. Певира и Л. Волохонской, так как благодаря нему читатель имеет представление об описываемых вещах. Е. Мартин опускает перечисления всех этих вещей описав их просто как *«all sorts of necessaries for the journey»* - «*всё необходимое для путешествия*», лишив полностью текст колорита.

2.2.6. Переводческий комментарий как способ перевода реалий

В переводе К. Гарнетт переводческий комментарий встречается 8 раз. При этом только к трем из этих комментариев указана дополнительная сноска – примечание переводчика. Комментарий приводится в виде сноски внизу страницы. Комментируемое слово не нумеруется, а отмечается звездочкой. В переводе К. Гарнетт этот прием поясняет следующие моменты:

- слова-реалии:

1. Usually there's a money-changer's shop below, and the owner, of the sect of Skoptsy*, serves in the shop and lodges above it. (*a Russian sect who practice self-mutilation) (с.202);

- аллюзии на литературные произведения:

2. *A girl grows up at home, and suddenly in the middle of the street she jumps in a cab: 'Mother, I was married the other day to some Karlitch or Ivanitch, good-bye.'* (*This is a reference to an incident in Tschernishevsky's famous novel 'What's to be Done?') (с.284);

- имена литературных персонажей:

3. *Their anger, their indignation, their wit, are all typical of that class, as it was even in pre-Famusov* times... (*A character in Griboedov's 'Woe from Wit.' 1831) (с.785);*

4. *Podkolyosin* as a type is perhaps exaggerated, but not at all unreal. (*A character in Gogol's comedy, The Wedding. – Translator's Note.) (с.461);*

- географические особенности:

5. *All the way to the railway station* he was amusing Adelaida and Alexandra, who laughed at his jokes with such extreme readiness that he began to be a trifle suspicious that perhaps they were not listening to him at all. (*At Pavlovsk there is a band stand with seats for the audience close to the railway station which adjoins the park) (с.795);*

- первоисточники цитат:

6. *...from principle and for the triumph of morality, to lead me on to singing Millevoix' celebrated classical verse. *O, puissent voir votre beauté sacrée...(*These lines are, as a fact, part of a poem by Gilbert. – Translator's Note) (с.415);*

Как мы видим, комментарии в переводе К. Гарнетт даны избирательно, они не подробны. Переводчик не считает нужным заострять внимание читателя на обилие имен собственных, аллюзий, реалий и географических названий в тексте романа «Идиот», поэтому большинство из них остаются без пояснений.

В версии Д. Магаршака переводческий комментарий отсутствует. Единственные две сноски, которые можно встретить на страницах его перевода – это примечания в статье Келлера, которые присутствуют и в оригинальном тексте произведения Ф.М. Достоевского.

К данному приему перевода в своей работе чаще всего прибегают Р. Певир и Л. Волохонская. Тексту произведения предшествует комментарий переводчиков с перечислением основных персонажей романа, объяснением традиции составления имен собственных в русском языке и информацией о топографии Петербурга. Каждую часть романа переводчики снабжают подробным комментарием трудных для иностранного понимания мест (к части I приведено 45 комментариев, к части II – 45 комментариев, к части III – 30 комментариев, к части IV – 52 комментария; всего к тексту романа составлено 172 комментария). Комментируемые ЛЕ помечены цифрой, а сами комментарии переводчики помещают за пределами произведения.

Е. Мартин и вовсе обходится без комментариев.

Разницу в употреблении переводческого комментария можно объяснить сроками, в которые приходилось укладываться переводчикам. К. Гарнетт была первой, кто знакомил иностранного читателя с русской классической литературой, она работала быстро, переводя одно произведение за другим. Последующие переводы уже не зависят от временного фактора, поэтому у переводчиков есть возможность уделить больше внимания изучению оригинального текста и выбрать отрезки, нуждающиеся в комментариях. Кроме того, чем раньше опубликован перевод, тем он ближе ко времени написания оригинала. Для современников К. Гарнетт многие исторические и другие аллюзии романа могли быть понятны без дополнительного пояснения, но в современном мире события и уклад жизни XIX века сложно осознать при отсутствии фоновых знаний, поэтому в современном переводе Р. Певир и Л. Волохонской комментарию уделено столько внимания.

2.3. Транскрипция и транслитерация как способ перевода реалий

Так как все произведения так или иначе используют географические названия, имена собственные, то данный способ перевода реалий было решено

рассмотреть в контексте разных переводов разных романов, но в едином блоке.

Здесь стоит отметить, что на сегодняшний день не существует какой-либо системы международной транскрипции или межалфавитного соответствия, то переводы имен зачастую разнятся.

В четырёх вариантах перевода романа «Бесы» имена собственные не всегда переводятся одинаково, например: фамилия Слоньцевский передается у К. Гарнетт Slontsevsky, у М. Катца Slonczewski, у Р.А. Магуайра Sloncewski, у Р. Пивера и Л. Волхонской – Slonzevsky. Пётр Верховенский переводится как Pyotr Verkhovensky, Peter Verkhovensky, Peter Verkhovensky, Pyotr Verkhovensky соответственно. Здесь необходимо отметить, что фамилия переводится у всех авторов одинаково, а имя переведено различно. К. Гарнетт и Р. Пивер с Л. Волхонской пользуются в данном случае транскрипцией, а М. Катц и Р.А. Магуайр пытаются перевести имя близкое их культуре – *Peter*. Аналогичный приём использует и Ева Мартин в переводе «Идиота». Она передаёт имя Елизаветы Прокофьевны Епанчиной как Elizabetha Epanchin, вопреки более привычному Elizaveta. Этот способ, фонетический облик русского имени, но он имеет и свои достоинства, так как позволяет читателю вспомнить греческие корни имени и создаёт параллелизм между русской Елизаветой и аналогичным английским именем.

Нужно сказать, что приношение чужого имени к орфографии или фонетике своего языка для художественных переводов является старой переводческой традицией, ведь и Shakespeare по-русски – это Шекспир, а не Шейкспир, и его героиня для нас – это Мария Стюарт, а не Мэрайа Стюарт, и известную пьесу Брехта мы знаем под названием «Добрый человек из Сычуани», а не «Добрый человек из Зецуана». Что же до фонетических искажений, то от них несвободны и «чистые транскрипции». В огромном большинстве английских переводов Елизавета Епанчина – это Elizaveta Epanchin. Иногда не только этимология, но и орфография бывает ложным другом переводчика, вводящим его в заблуждение. Казалось бы, нет ничего

естественней передачи русской буквы Е через английскую E, но русская буква в начале слова передаёт два звука, полугласный и гласный [jɛ], поэтому англоязычные читатели могут получить ложные представления о том, что покровительницу несчастного князя звали порусски Элизавета Эпанчина. Вероятно, если идти чисто фонетическим путём, Yelizaveta было бы лучшим вариантом.

Также необходимо учитывать тот факт, что у героев романа зачастую имеется несколько имен, сокращенные, уменьшительно-ласкательные или же полные формы имени, так, например, у одного из героев романа Маврикия Дроздова есть не только русское имя, но и французский эквивалент Maurice, а Николая Ставрогина зачастую называют Nicolas, но, например, К. Гарнетт предпочитает не путать читателя и всегда переводит Nicolas на русский манер – Nikolay.

Р. Пивер и Л. Волхонская дают пояснения о том, что имя Nikolai имеет и другую форму Nicolas. Здесь стоит отметить, что в своих переводах Ричард Певир и Лариса Волохонская в начале книг дают пояснение по поводу русских имен. Там говорится о том, что русские имена состоят из имени, отчества (от имени отца) и фамилии. При официальном общении требуется использования имени и отчества. Уменьшительные имена обычно используются в семье и близких друзьях; у них есть две формы: известная и случайная; Так Варвара Иволгина в семье зовется Варей (известная), а Варка (случайная) – младшим братом. Укороченная форма отчества (т.е. Иваныч для Ивановича или Палыч для Павловича), употребляемая только в речи, также предполагает определенную фамильярность.

Далее идёт список имен с их уменьшительными формами, которые используются в произведении, а также даны объяснения по ударениям.

Такой подход наблюдается во всех их переводах и позволяет, на наш взгляд избежать путаницы. Одна из героинь романа «Бесы» Дарья Шатова на протяжении всей книги пользуется пятью формами имени (Дарья, Даша, Дашенька, Дашка, Дарья Павловна), которые используются в соответствии с

эмоциональным контекстом, однако такое средство выражения русского языка отношения к человеку не представлено в английском языке, что может создавать трудности не столько переводчику, сколько читателю, который не понимает, как именно звучит иностранное имя/ Использование разных уменьшительно-ласкательных имен по отношению к одному и тому же человеку является особенностью русской речи, в английском языке также возможно использование различных вариантов одного имени, но при этом за человеком будет закреплён только один из этих вариантов, который будет использоваться всегда и будет меняться в зависимости от контекста, так девочка по имени Elizabeth может также носить имя Beth, Liz, Liza или Eliza, но только один из этих вариантов.

Ричард Певир и Лариса Волохонская считают необходимым сохранить эту особенность, поэтому Дарья Шатова в тексте появляется и как *Dasha*, и как *Dashenka*, и как *Dashka*, и как *Darya Pavlovna*.

Такой же подход мы можем отметить и у М. Катц, который снабдил свой перевод справочником имен действующих лиц романа с указанием кратких вариантов их имен или же французских эквивалентов, однако и его справочник не указывает абсолютно всех вариантов имен. Однако этот же переводчик использует и другие варианты имени Дарья – *Darya*, Даша – *Dasha*, Дашка – *Dashka*, Дашенька – *Dashen'ka*, Дарья Павловна – *Darya Pavlovna*.

Переводу Катца свойственно сохранение таких нюансов, например: имя Петруша он переводит *Petrusha*, но, когда это имя используется в варианте Петрушка, переводчик с детальной точностью передает *Petrushka*, хотя другие авторы предпочитают всегда использовать только форму *Petrusha*. Даже Р. Пивер и Л. Волхонская используют только одну форму.

Что касается географических наименований, то за каждым местом уже закрепился определенный вариант перевода, и переводчики используют именно их. Так российские города Петербург и Севастополь переводятся во всех вариантах как *Petersburg* и *Sevastopol*.

Также нами отмечено, что Р. Пивер и Л. Волхонская в переводе романа «Идиот» дают объяснения не только по именам собственным, но и по топографии г. Санкт-Петербурга (в переводе романа «Бесы» пояснений по топографии нет).

Большее разнообразие наблюдается при переводе названий учреждений. Часто за неимением эквивалента в английском языке переводчики транскрибируют названия тех или иных учреждений, например, земство – *Zemstvo*.

Довольно обычной проблемой для переводчиков является работа с названиями редких народов, населяющих Россию, т. к. зачастую они не имеют закрепившегося способа передачи на английский язык. В романе Достоевского «Бесы» можно найти названия таких народов, как татары, мордва, калмыки и черкессы:

Ф.Д.: *Ты на одной линии с татаринном или мордвой состоишь;*

К. Г.: *You are on a level with the Tatar and the Mordva*

М. К.: *You are on the same level as a Tatar or a Mordva*

Р. М.: *You are standin' in the same line as a Tatar or Mordovian*

Р. П. и Л. В.: *The same thing as an idolater, and on the same lines as a Tartar or a Mordovian*

Несколько удивительна транскрипция Р. Пивера и Л. Волхонской, так как три других автора полностью транскрибируют «татары» как «Tatar», когда как они добавляют в слово «г», что несколько искажает на наш взгляд суть.

С помощью транскрипции также часто переводятся фольклорные и литературные персонажи. Так в романе «Бесы» упоминается герой произведения Гоголя «Мёртвые души» - Коробочка.

Ф.Д.: *Эта Прасковья... это тип, это бессмертной памяти Гоголева Коробочка, но только злая Коробочка...;*

К. Г.: *This Praskovya... is a type. She's Gogol's Madame Box, of immortal memory, only she's a spiteful Madame Box...;*

М. К.: *Praskovya... is a real character, just like Gogol's immortal Korobochka, Mrs Box, but a wicked Korobochka...;*

Р. М.: *This Praskovya... she's a type; she's Gogol's immortal Korobochka, except she's a malicious Korobochka....*

Р. П. и Л. В.: *Enfin, this Praskovya, as cette chère amie calls her, is a type, she's Gogol's Korobochka, Mrs. Littlebox, of immortal memory, only a wicked Littlebox, a provoking Littlebox, and in an infinitely enlarged form."*

При этом стоит отметить, что, когда авторы указывают, что это герой Гоголя все авторы практически используют транскрипцию Korobochka (кроме К. Гарнетт, которая использует во всех случаях *Madame Box*), но дальнейшее повествование у М. Катца уже представляет его как *Mrs Box*, а Р.Пивер и Л. Волхонская представляют уже как Mrs. Littlebox с комментарием о том, что Korobochka – это маленькая коробка, а данное имя носит герой романа Гоголя с определенными чертами (*Korobochka ("little box") is the name of a lady landowner in Gogol's novel Dead Souls (1843). It became synonymous with a certain type of person—suspicious, stingy, stubborn, stupid*).

Тот же способ часто используется и при переводе имен исторических личностей, например:

Ф.Д.: *На стенах висели два больших тусклых масляных портрета: один покойного императора Николая Павловича...;*

К. Г.: *On the walls hung two dingy oil-paintings, one, a portrait of the Tsar Nikolas I;*

М. К.: *Two large, dark oil paintings were hanging on the walls- one of the late Emperor Nikolai Pavlovich...;*

Р. М.: *On the walls hung two large dark oil portraits; one of the late Emperor Nikolay Pavlovich....*

Р. П. и Л. В.: *...and on the walls there hung two big, dark oil portraits—one of the late emperor Nikolai Pavlovich...*

Все переводчики полностью транскрибируют имя и отчество императора, кроме К. Гарнетт, которая перевела данное выражение как «*Tsar*

Nikolas I». На самом деле такой перевод несколько занижает и статус самого императора, и то уважительное отношение к императору, которое передавал сам автор романа. Он не просто назвал его императором Николаем I, а по имени и отчеству, что имеет несколько иной смысл на наш взгляд. Император Николай I – это больше о истории, а Николай Павлович – об отношении к нему.

Иногда на наш взгляд транскрипции используются слишком часто и не к месту. Так, например, слово закуски, которое вполне может быть объяснимо и сточки зрения английского языка, у Роберта А. Макгуайра были полностью транскрибированы как *zakuski* (мы это отметили в примере выше и в примере ниже):

Ф.Д.: *Сделайте вечерний чай и, пожалуйста, без вина и без закусок;*

К. Г.: *Give us tea in the evening, and please without wine or other refreshments;*

М. К.: *Give us evening tea and, please, no wine or refreshments;*

Р. М.: *Give us an evening tea and, please, no wine or zakuski;*

Р. П. и Л. В.: *Prepare an evening tea and, please, no wine or appetizers.*

Здесь стоит отметить ещё и тот факт, что все переводы происходили в разное время: и русский и английский язык на момент переводов имел разную структуру и словарный запас. Некоторые слова, которые тогда считались реалиями – сегодня вполне могут быть переведены и имеют эквиваленты в английском языке. Те же закуски сегодня могли бы перевести и как «snack».

Как мы видим, транскрипция является удобным и популярным среди переводчиков способом перевода реалий, так как этот прием позволяет сохранить оригинальное звучание слова, а значит обогащает текст оттенками национального колорита оригинального текста.

Выводы по Главе 2

В рамках проведенного исследования были проанализированы четыре варианта перевода романа «Бесы»: К. Ганетт, М. Катца, Р.А. Магуайра и Р. Пивера и Л. Волхонской и четыре варианта перевода романа «Идиот»: К. Гарнетт, Д. Магаршака, Р. Певира и Л. Волохонской и Е. Мартин.

Во всех переводах были использованы все 7 приёмов перевода реалий: Очень часто выбор переводчиков совпадает, так как у каждой отдельной реалии есть свои особенности. Помимо этого, реалии в разных контекстах воспринимаются по-разному и иногда переводчики могут одну и ту же реалию в рамках одного и того же перевода переводить при помощи разных приёмов. В данном случае показательны примеры с присказкой «-с»: К. Гарнетт и М. Катц в разных ситуациях поступают с её переводом по-разному, то используя обращение «master», то вовсе убирают её из перевода.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что при переводе реалий переводчики чаще всего прибегают к таким способам перевода, как транскрипция, калькирование и переводческий комментарий (больше 20% всех примеров), остальные способы встречаются реже. При этом каждый переводчик подошел к сохранению художественно-эстетического своеобразия текста по-своему. Каждый перевод по-своему интересен и имеет достоинства и недостатки. Р.А. Магуайр выбрал путь сохранения чужезычности в переводе и старался передавать реалии в малоизмененном виде посредством, в основном, транскрипции или калькирования в сочетании с переводческими комментариями. К. Гарнетт оказалась приверженцем «сглаживающего» перевода. Переводчиками, которые нашли баланс между этими противоположными подходами стали М. Катц и Д. Магаршак. В переводе романа «Бесы» Р. Пивера и Л. Волхонской отмечено очень много неудачных использований различных приёмов, перевод романа «Идиот» у них более удачный на наш взгляд. Самым неудачным является перевод Евы Мартин, так как большая часть оригинального текста ею просто опускалась.

Переводы одного и того же произведения, выполненные разными переводчиками при помощи разных приёмов перевода реалий в итоге

значительно отличаются друг от друга. Перевод реалий меняет частично рецепцию всего произведения. Для более глубокого понимания произведения и реалий другого языка по-хорошему следует читать несколько переводов. Только комплексный подход и начитанность в данном случае могут помочь читателю реально оценить произведение, написанного изначально на другом языке.

Заключение

По результатам исследования сделаны следующие выводы:

Понятие «реалия» точно так же, как и ее классификация, являются одними из самых актуальных и неразрешенных вопросов лингвистики.

Рассмотрев разные трактовки понятия «реалия», мы убедились, что владение фоновыми знаниями является ключевым фактором адекватной передачи реалий. Все авторы без исключений считают реалию культурно-маркированной единицей, подчеркивают тот факт, что они требуют особого подхода при переводе, а также считают адекватный перевод реалии залогом успешной межкультурной коммуникации. Мы полностью согласны с данными утверждениями. Национально-культурная окраска, присущая некоторым лексическим единицам, является одной из основных воздействующих сил художественного текста. В этой связи адекватная передача культурно-маркированных единиц подлинника представляется одной из наиболее сложных задач перевода.

Рассмотрев и систематизировав точки зрения различных авторов на проблему классификации реалий, можно сделать вывод, что данный вопрос в теории перевода все еще остается актуальным. Объединенная классификация по тематическому принципу, составленная нами, является достаточно полной и может позволить при анализе различных текстов достаточно четко выявлять и группировать выявленные реалии, что может способствовать составлению специализированных тематических словарей и позволят переводчикам по узко-направленным тематикам иметь большой словарный запас в рамках их деятельности.

Для анализа реалий в рамках художественных произведений большого объема чаще используется анализ по приёмам передачи реалий. Данный метод анализа был использован в данном исследовании.

В рамках проведенного исследования были проанализированы четыре варианта перевода романа «Бесы»: К. Гарнетт, М. Катца, Р.А. Магуайра и Р. Пивера и Л. Волхонской и четыре варианта перевода романа «Идиот»: К. Гарнетт, Д. Магаршака, Р. Певира и Л. Волохонской и Е. Мартин.

Во всех переводах было использовано 7 видов перевода:

- 1) транскрипция;
- 2) калькирование;
- 3) сужение и расширение;
- 4) описание;
- 5) нейтрализация и эмфатизация;
- 6) функциональная замена;
- 7) переводческий комментарий.

Авторы используют все возможные приёмы перевода. Очень часто выбор переводчиков совпадает, так как у каждой отдельной реалии есть свои особенности. Помимо этого, реалии в разных контекстах воспринимаются по-разному и иногда переводчики могут одну и ту же реалию в рамках одного и того же перевода переводить при помощи разных приёмов. В данном случае показательны примеры с присказкой «-с»: К. Гарнетт и М. Катц в разных ситуациях поступают с её переводом по-разному, то используя обращение «*master*», то вовсе убирают её из перевода.

Калькирование, каким бы прекрасным приёмом не было для перевода большинства реалий, не всегда удачный вариант, если не соотносить его при этом с контекстом.

Конкретизация и генерализация реалии очень часто неизбежны при переводе. Но зачастую по-другому донести смысл до читателя просто невозможно. При этом стоит отметить, что в случае использования данного приёма реалия теряет весь колорит. Чаще всего генерализацию использует К. Гарнетт, чьи переводы являются самыми ранними из рассматриваемых. Переводя Ф.М. Достоевского в более позднее время, переводчики стараются

подбирать более близкие к ИЯ варианты переводов и нередким приемом становится конкретизация.

Говоря о нейтрализации и эмфатизации как способах перевода реалий, на основе проведенного анализа можно сделать вывод, что приём нейтрализации используется намного чаще. Избежать приема нейтрализации при переводе произведений Ф. М. Достоевского невозможно из-за сложности языка автора. Данный способ наиболее безопасен и позволяет наилучшим образом сохранить основной смысл. Правда в данном случае теряется часто не только колорит, но и эмоциональная окраска. Эмфатизация на наш взгляд наиболее сложна как способ перевода. Рассмотренные попытки эмфатизации выглядели в данных переводах не всегда удачно. Но во многих рассмотренных примерах использование эмфатизации более уместно, чем нейтрализации, так как этот прием придает тексту колорит и не лишает его стилистической окраски.

Стоит отметить, что в рассмотренных примерах авторы иногда не просто используют нейтрализацию, а и вовсе опускают некоторые детали. Чаще всего это отмечено в переводе романа «Идиот» Е. Мартин. Другие авторы достаточно редко использовали данный приём, стараясь более точно передать оригинал.

Одним из наиболее удачных приёмов при переводе является функциональная замена. Она, как и многие приёмы перевода, часто лишает перевод оригинальной национальной окраски, но её использование помогает переводу приобрести художественную эстетичность и облегчить читателю его восприятие. Функциональная замена при этом часто сохраняет эмоциональную окраску для читателя, хотя, повторимся, именно национальный колорит оригинального текста в этом случае пропадает.

Описание приходит на помощь переводчику, когда остальные трансформации не работают, поэтому при переводе реалий этот способ перевода часто приходит на выручку и помогает донести до читателей смысл иностранного понятия. Однако этот способ не может сохранить национальный

колорит исходного понятия, а также зачастую выглядит в тексте довольно громоздко.

Сложный, многогранный текст романов «Бесы» и «Идиот» изобилует сложными синтаксическими конструкциями и своеобразной лексикой. Применение дополнительного описания может излишне утяжелять текст. Поэтому при выборе данного приема переводчики стараются сделать описание нераспространённым, насколько это возможно.

Переводческий комментарий чаще всего используется для пояснения географических особенностей, исторических и культурных реалий, отсылок к литературным произведениям и историческим событиям. Применение комментария требует от переводчика широких общекультурных и специальных знаний, а также проведения подробного исследования исторического периода, к которому относится произведение.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что при переводе реалий переводчики чаще всего прибегают к таким способам перевода, как транскрипция, калькирование и переводческий комментарий (больше 20% всех примеров), остальные способы встречаются реже.

В рамках проведенного исследования стало ясно, что каждый переводчик подошел к сохранению художественно-эстетического своеобразия текста по-своему. Р.А. Магуайр выбрал путь сохранения чужезычности в переводе и старался передавать реалии в малоизмененном виде посредством, в основном, транскрипции или калькирования в сочетании с переводческими комментариями, однако эти приемы загромождали текст и лишали его легкости, которая в той или иной мере должна присутствовать в художественном тексте. К.Гарнетт оказалась приверженцем «сглаживающего» перевода, в отдельных моментах используя приемы, свойственные переводчикам, которые ориентируются на язык перевода, что часто шло в ущерб уникальности оригинального текста. Это свойственно и для перевода романа «Бесы», и для перевода романа «Идиот».

Переводчиками, которые нашли баланс между этими противоположными подходами стали М. Катц и Д. Магаршак, чьи переводы не лишены оригинального колорита, но при этом текст не перегружен малопонятными англоговорящему читателю понятиями и многочисленными сносками. Д. Магаршак, являясь учеником К. Гарнетт и при этом будучи знаком с русской культурой смог соединить всё это в своём переводе. Перевод романа «Бесы» М. Катца можно также назвать золотой серединой: в нем сохранен, насколько возможно, колорит оригинала, особенности речи русских, сохранена и французская речь русской аристократии, а также реалии. При этом, текст не отягощен излишними комментариями, сносками, транскрибированными словами, которые необходимо расшифровывать.

Перевод романа «Бесы» Р. Пивера и Л. Волхонской до его анализа на мой взгляд должен был быть одним из лучших в случае перевода реалий, учитывая происхождение Л. Волхонской и в целом приёмы работы этой пары переводчиков. Однако, на деле отмечено очень много неудачных использований различных приёмов. Помимо этого, в переводе по любому поводу практически дан комментарий (всего их в книге 447 единиц). Не считая того, что в начале текста авторы дают пояснения транскрипциям имён собственных и других вводных данных в текст. На наш взгляд это сильно перегрузило текст и лишило его и колорита, и эмоциональной окраски.

Перевод «Идиота» Р. Пивера и Л. Волхонской более удачный по сравнению с переводом романа «Бесы». Хотя изобилие комментариев и в этом переводе сильно усложняло прочтение.

Говоря о переводах романа «Идиот» на наш взгляд самым неудачным является перевод Евы Мартин. Большая часть оригинального текста ею просто опускалась. При чтении данного перевода возникало чувство, что это перевод сокращенного текста, а не романа. Учитывая, что данный вариант широко распространен в бесплатном доступе в сети Интернет, есть доля какого-то огорчения, что великое произведение великого писателя будет массово прочитано в такой интерпретации.

Переводы одного и того же произведения, выполненные разными переводчиками, могут отличаться друг от друга, что меняет рецепцию всего романа или частично.

Отдельно хочется отметить, что в рамках исследования по многим вырезкам из текста проводился также перевод с русского языка на английский при помощи Гугл-переводчика. По результатам данного перевода, можно сделать вывод, что в большинстве случаев данный переводчик справлялся достаточно удачно со многими реалиями и их переводами. И в некоторых случаях, на наш взгляд, лучше использовать подобный автоматизированный перевод художественного текста, чем прочитать его в версии Е. Мартин.

Список литературы

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие: для студентов филологических и лингвистических фак. вузов / И. С. Алексеева. - 2-е изд., стер. – Москва: Академия; Санкт-Петербург: Филологический фак. СПбГУ, 2006 (Саратов: Саратовский полиграфкомбинат). – 346 с.
2. Алпатов, В. М. История лингвистических учений: учебное пособие / В. М. Алпатов. – Москва: Языки рус. культуры: Кошелев, 1998. – 367 с.
3. Алферов В.А. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе / А.В. Алферов, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация [Текст] = Proceedings of Voronezh state university. Series: Linguistics and intercultural communication : научный журнал / учредитель: ФГБОУ ВПО «Воронежский гос. ун-т». – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001-2019, № 2. – 2019. – 137 с.
4. Андреева, Е. Д. Теория перевода: технология перевода / Е. Д. Андреева; Оренбургский государственный университет. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2017. – 153 с.
5. Арзамасцева, И. В. Практические основы перевода по немецкому языку: учебное пособие к семинарским занятиям для студентов специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» / сост. И. В. Арзамасцева. - Ульяновск: УлГТУ, 2012. – С. 130.
6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. - 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004 (Калуга: ГУП Облиздат). – 569 с.
7. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностранного: Метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.

8. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
9. Влахов, С. Непереводимое в переводе / Сергей Влахов, Сидер Флорин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 416 с.
10. Геращенко, А. А. Прагматические приемы перевода (на материале текстов инструкций по эксплуатации в сфере компьютерных технологий) / А. А. Геращенко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 11 (115). — С. 1675-1678. — URL: <https://moluch.ru/archive/115/30953/> (дата обращения: 17.11.2021).
11. Горская, С. А. Лексика. Фразеология. Лексикография: практикум / С.А. Горская. - Гродно: ГрГУ, 2009. – 137 с.
12. Ерофеева Е. В. Способы передачи русских реалий в переводах детективов А. Марининой на французский язык // Перевод и сопоставительная лингвистика: период. науч. журн. ... 2013. Вып. 9. С. 30-34.
13. Есакова, М. Н. Речевая культура переводчика. Русский язык [Электронный ресурс] [Текст]: учебное пособие. Книга для преподавателя. - 2-е издание, стереотипное. – Москва: Издательство «ФЛИНТА», 2017. – 111 с.
14. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – 632 с.
15. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2002. – 319с.
16. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе: (Очерк лингвист. учения о переводе). – Москва: Междунар. отношения, 1973. – 215 с.
17. Крупнов, В.Н. В творческой лаборатории переводчика: Очерки по проф. переводу / В. Н. Крупнов. – Москва: Междунар. отношения, 1976. – 190 с.

18. Левицкая, Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. – 263 с.
19. Семенов, А.Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение» направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / А. Л. Семенов. – Москва: Академия, 2008. – 159 с.
20. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3. изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003 (Великолук. гор. тип.). – 318 с.
21. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни// М.: Флинта, 2006. – 392 с.
22. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 6-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 318 с.
23. От буквы к словарю: сборник научных статей: к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; [редкол.: О. А. Старовойтова (отв. ред.) и др.]. – Санкт-Петербург: Наука, 2013. – 319 с.
24. Прошина, З.Г. Теория перевода = Theory of translation: С англ. на рус. и с рус. на англ. яз. / З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, [1999]. – 265 с.
25. Россельс, В. М. Перевод и национальное своеобразие подлинника. Вопросы художественного перевода/ В.М. Россельс. Москва: Международные отношения, - 1955. – 169 с.
26. Слепович, В. С. Настольная книга переводчика с русского языка на английский=Russian – English Translation Handbook / В. С. Слепович. – Минск: Тетралит, 2013. – 304 с.

27. Слепович, В. С. Перевод (английский – русский) =Translation (English - Russian): учебник / В. С. Слепович. – Минск: Тетралит, 2014. – 336 с.
28. Соснина, А.А. Основы этимологии: учебное пособие / А.А. Соснина; Новосибирский государственный технический университет. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2018. – 152 с.
29. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – Москва: Слово, 2008. – 341 с.
30. Томахин, Г. Д. Реалии – американизмы: Пособие по страноведению: [Для ин-тов и фак. иностр. яз.] / Г. Д. Томахин. – М.: Высш. шк., 1988. – 238 с.
31. Фененко, Н.А. Язык реалий и реалии языка / Н.А. Фененко. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т: Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, 2001. – 139 с.
32. Филатов В.Д. Локальная маркированность фразеологических единиц (на материале английского языка Канады) / В.Д. Филатов // МГПИИЯ: сборник научных трудов. - Вып. 171.-М., 1981. – С. 169-180
33. Черемисина, Т.И. Функциональный аспект неассимилированных заимствований в современном английском языке/ Т.И. Черемисина// Сборник научных трудов/ Московский ордена Дружбы народов государственный педагогический институт иностранных языков имени М. Тореза; редкол.: Г.Ю. Князева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1983. – Вып.212; - 124 с.
34. Чернобров, А.А. Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык - философия - логика - психология - культура): учебное пособие для студентов старших курсов гуманитарных факультетов, аспирантов и соискателей: материалы к спецкурсу / А.А. Чернобров. – Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2006 (Новосибирск: НИИСистем). – 331 с.
35. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – 5-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2018. – 255 с.

36. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер; отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1988. – 214 с.
37. Щукин, А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц / А. Н. Щукин. – Москва: АСТ [и др.], 2006. – 746 с.
38. Этнолингвокультурология: учебное пособие / сост. Т. С. Вершинина, М. О. Гузикова, О. Л. Кочева; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта: Уральский федеральный университет (УрФУ), 2017. – 81 с.
39. Abramovich A. Richard Pevear and Larissa Volohonsky: Russian-to-English translators turned Oprah stars // EIZIE: Association of translators? Correctors and interpreters of basque language – 16.08.2004. – URL: <https://eizie.eus/en/news/1092659205>
40. Cruse A. A Glossary of Semantics and Pragmatics. Oxford University Press, 2006. – p.208
41. Mehdi F. Lexical Gaps in Arabic to English Translation // STJ. Jordan. 2012. Vol. 4. p. 69-82.
42. Pevear R. Tolstoy's Transparent Sounds // The New York Times/ - 14.10.2007. – URL: <https://www.nytimes.com/2007/10/14/books/review/Pevear-t.html?pagewanted=all>
43. Воробьев, В. В. Русский язык в диалоге культур: учебное пособие: элективный курс для 10-11 кл. шк. гуманитарного профиля / В. В. Воробьев, Л. Г. Саяхова; Национальный фонд подгот. кадров - НФПК. - Москва: Ладомир, 2006 (Ульяновск: Ульяновский Дом печати). – 283 с.
44. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Шк. "Яз. рус. культуры", 1998. – 763 с.
45. Oksaar E. Kulturemtheorie: ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung. Göttingen, 1988. S. 27–
46. Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. для студентов, обучающихся по специальности "Перевод и

переводоведение" / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. - 2-е изд., стер. – Москва: Academia, 2005. – с.165

Источники примеров:

47. Достоевский, Ф. М. Бесы: Роман / Ф.М. Достоевский. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

48. Dostoyevsky F. The Possessed [text]; tr. from rus. Garnett C.- South Australia: University of Adelaide, 2005 - 701p. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/8117>

49. Dostoyevsky F. Devils [text]; tr. from rus. Michael R. Katz- Oxford University Press, 1992- 769p.

50. Dostoyevsky F. Demons [text]; tr. from rus. Robert A. Maquire- London: Penquin Books Ltd., 2008 – 842p.

51. Dostoyevsky F. Demons [text]; tr. from rus. Pevear R. and Volokhonsky L. - London: Vintage Classics, 2003 – 756 p.

52. Достоевский Ф.М. Идиот [Текст]/ Ф.М Достоевский// Ленинград: Лениздат, 1987 – 638 с.

53. Dostoyevsky F. The Idiot [text]; tr. from rus. Garnett C. // U.S.A: Bantam Classics, 1983- 720 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=ctkoAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

54. Dostoyevsky F. The Idiot [text]; tr. from rus. Magarshack D.// London: Penguin Classics, 1973- 774 p.

55. Dostoyevsky F. The Idiot [text]; tr. from rus. Pevear R. and Volokhonsky L. - London: Vintage Classics, 2003- 756 p.

56. The idiot / Fyodor Dostoyevsky; translated by Eva Martin. – Санкт-Петербург: Каро, 2017. – 733 с. URL: https://royallib.com/book/Dostoyevsky_Fyodor/the_idiot.html

Словари

57. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. - 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1976. - 543 с.
58. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>
59. Федоров, Александр Ильич. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с. [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/fedorov>
60. Dictionary by Merriam-Webster: America's [Digital resource]/ URL: <https://www.merriam-webster.com>
61. Oxford Learner's Dictionaries [Digital resource] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
62. Longman Dictionary of Contemporary English [Digital resource]/ URL: <http://www.ldoceonline.com/>